

МАРГО АРНЕЛЛ

ПОЛУНОЧНАЯ
ВЕДЬМА

.....
ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Звезды молодежного фэнтези

Марго Арнелл

**Полуночная ведьма.
Терновый венец**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арнелл М.

Полуночная ведьма. Терновый венец / М. Арнелл —
«Издательство АСТ», 2023 — (Звезды молодежного фэнтези)

ISBN 978-5-17-157312-6

«Все начнется с крика среди зеркал и закончится льющейся по улицам Пропasti кровью». Потеряв право называться охотницей, Морриган Блэр решает остаться в сокрытом под землей городе полуночных ведьм и колдунов. Как адгерент Высокого Дома О’Флаэрти, она обещает подарить Доминику титул короля города. Проблемы в Пропasti растут как снежный ком. Слова Ведающей Матери оказываются пророческими: кто-то истребляет лордов, претендующих на трон. Пока Клио пытается разобраться с новой силой, во снах ее преследует человек в белом. Дэмьен никак не может взять ярость под контроль, а их отношения с Морриган после поцелуя лишь осложняются. Чем выше ставки, чем сильнее угроза, тем неодолимее соблазн снова обращаться к темной силе, живущей внутри ее. Силе, от которой так непросто отказаться.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157312-6

© Арнелл М., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Марго Арнелл
Полуночная ведьма
Терновый венец
Роман

* * *

Copyright © Марго Арнелл, 2023
© mistilteinn, иллюстрации, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть I

Глава 1 Охотница в Пропasti

Шепотки. Опасливые или откровенно ненавидящие взгляды. Руки, вскинутые для плетения чар.

Морриган Блэр шла, держа спину идеально прямой, с холодным вызовом глядя на тех, кто вскоре спешил взгляд отвести. И хотя на губах ее играла усмешка, она хорошо понимала чужие эмоции. Ей и самой было странно расхаживать по Пропasti – ни много ни мало приставицу колдунов-отступников – в белом кожаном костюме охотницы. На подобном облачении настоял Доминик О'Флаэрти, и Морриган пришлось... Слово «подчиниться» она не желала произносить даже мысленно. Пришлось принять чужие правила игры. На время. И только во имя собственной выгоды.

Забавно, как стремительно все поменялось. Еще недавно Морриган старательно подбирала наряд перед каждым выходом на улицы подземного города. Из кожи вон лезла, чтобы походить на охотницу как можно меньше. Однако теперь, когда она стала адгерентом – сторонником – Дома О'Флаэрти, Доминик размахивал ее рангом охотницы перед лицами отступников, как тореадор красной тряпкой перед быками.

Охотница в Пропasti – явный вызов обществу. Морриган не так хорошо знала Доминика, но что-то подсказывало: вызовы он любил. Лорд Дома О'Флаэрти стремился показать, что на его стороне наемница Трибунала, которого отступники боялись как огня (и, надо сказать, совсем не напрасно). Пускай Трибунал не имел доступа в Пропасть, но та, чей промысел – охота за головами отступников, здесь. Один косо́й взгляд на лорда Дома О'Флаэрти, и вам придется иметь дело с ней.

И неважно, что ранг охотницы теперь – не более чем фикция. От профессии, которой Морриган посвятила пять лет, с юных четырнадцати до девятнадцати, остались только память, несколько тонких шрамов от колдунов, что доверяли холодному оружию больше, чем собственной магии, плетель-молния и белоснежный кожаный костюм.

Она резко выдохнула, замедляя шаг. Подошла к перилам смотровой площадки, чтобы с высоты взглянуть в разверзшуюся под ногами пропасть. На многочисленные ярусы и островки подземного города, связанные каменными лестницами и подвесными мостами. На ведьм и колдунов, обряженных так, будто вот-вот начнется маскарад, и на существ древней крови, в большинстве своем преданных зеленому цвету.

Морриган старалась как можно меньше думать о том, что после окончания обучения в лагере охотников она преследовала колдунов-отступников целых четыре года... Чтобы теперь если не стать одной из них, то примкнуть к ним. Ничего, кроме головной боли и привкуса отвращения, эти мысли не вызывали.

Она заключила сделку. Клио в безопасности, Морриган – вдали от Трибунала, который вскоре может открыть охоту и за ней самой. Если уже этого не сделал. А значит, надо не поддаваться унынию, а свыкаться с новой ролью.

«И какая же у меня роль? Советницы? Охранницы? Личной ведьмы?»

Роль главного защитника, впрочем, отдана Дэмьену. Всякий раз, когда Доминик покидал особняк (что, надо сказать, случалось редко), он требовал, чтобы его сопровождал Дэмьен. Что ни говори, берсерк, особенно тот, который в моменты опасности теряет над собой контроль, – нешуточная угроза. Вздумай Доминик устроить проверку, неизвестно, кто бы вышел победителем из схватки, несмотря на мастерство Морриган в полуночном и рассветном колдовстве. Дэмьену в этом она, разумеется, никогда бы не призналась.

Двойственность, что всю жизнь преследовала ее, неожиданно проявилась и в новом назначении. Достаточно помозолив жителям Пропasti глаза белой кожей наряда, Морриган сбрасывала ее, как змеиную шкуру, и скрывалась во тьме мира теней. Посадить Доминика на трон – дело не из легких. Она не просила о помощи, но Бадб, вознамерившись во что бы то ни стало заполучить статус любовницы короля Пропasti, дочь и не спрашивала. Один из пунктов плана Леди Ворон уже выполнила. Осталось только сделать своего любовника королем.

Проникая в самые укромные уголки подземного города в поисках слухов о лордах Пропasti, Бадб вела свою собственную охоту. Как и Морриган когда-то, делала все, чтобы узнать уязвимые места врагов. В особняк Дома О'Флаэрти Леди Ворон нередко возвращалась с видом сытой кошки, держа в когтях лакомые подробности, пригодные для разоблачения или шантажа.

Морриган от матери не отставала. Пока Бадб летала по Пропasti в обличье ворона, ее старшая дочь блуждала среди теней мира мертвых в поисках ответов. В поисках врагов Дома, к которому теперь принадлежала.

Потомственная полуночная ведьма. Вольная. Рассветная ведьма и наемница Трибунала. Отступница. Адгерент Дома О'Флаэрти.

Она усмехнулась. Список ее достижений все рос... Глядишь, к двадцати годам «дослужится» до советницы королевской персоны. Гонка уже началась, но пока Тольдебраль, замок под пятым искусственным солнцем Пропasti, пустовал в терпеливом ожидании будущих хозяев.

Морриган оттолкнулась от перил. Хватит прохлаждаться.

Стены особняка, что на неопределенный срок стал ей домом, покрывал толстый слой защитных заклинаний. Рассветная ведьма Дома О'Флаэрти постаралась на славу. Конечно, особняк Доминика проигрывал в безопасности замку Тольдебраль, чьи стены, по слухам, пропиты охранными чарами. Королевской семье нужно было просто поддерживать их. Оставалось надеяться, нынешних мер окажется достаточно, чтобы пресечь покушения на будущего короля Пропasti.

А что? Морриган привыкла доводить начатое до конца.

Дворецкий с фирменной сдержанной улыбкой впустил ее, предварительно сняв с двери внутреннюю рассветную печать. Другие печати – уже полуночные – ломать не пришлось. В них были вплетены капли крови всех адгерентов Дома... и Дэмьена. Чужака эти стены без ведома лорда не пропустят.

Диваны в гостиной, где Морриган порой встречала Доминика за чтением местной газеты, обтянули кожей цвета слоновой кости, поставили новый хрустальный столик и пару глубоких кресел, почистили камин. Лорд приготовился принимать посетителей и заключать новые сделки? Или решил сделать себе подарок в честь начала битвы за трон?

В одном из кресел восседал Дэмьен Чейз собственной персоной. Хмур, молчалив – ничего, впрочем, нового. Даже холодный изучающий взгляд, как обычно, при нем. Будто и не было ни памятного разговора, ни признания Дэмьена в том, что Морриган действует на него, как пресловутая красная тряпка – на быка, а костюм охотницы – на жителей Пропasti.

И уж точно не было никакого поцелуя.

Стоило только вспомнить, и внутри снова забурило злость. Ярость девушки, которую отвергли, оттолкнули.

Девушки, которую никто и никогда не отвергал.

Берсерки всегда представлялись Морриган эдакими диковатыми и угрюмыми мужланами. Дэмьен для берсерка был слишком... Нет, не красив: скорее, харизматичен. Он обладал тем обаянием «плохого парня» с темным прошлым, что привлекает женщин разных возрастов и характеров – от инфантильных бабочек до прожженных стерв. А вот что касается мужланства, грубости и угрюмости, тут он оправдал все ее ожидания.

В Доме О'Флаэрти Морриган находилась уже неделю, но Дэмьена ей довелось увидеть лишь пару-тройку раз. В своем кабинете, где Доминик проводил большую часть времени, лорд неизменно был или один, или с Бадб. Да и вера лорда в магическую защиту, коконом окружившую дом, была нерушимой. Переступая порог особняка, он всегда отпускал Дэмьена, убежденный, что заряженных магией стен достаточно для защиты.

Морриган вдруг поняла одну истину, которая прежде от нее ускользала: все эти дни, что они с сестрой жили в особняке Доминика на правах адгерентов Дома О'Флаэрти, Дэмьен никогда не оставался с ней наедине дольше нескольких минут. Интересно, он действительно так невероятно занят или намеренно ее избегал? В комнате сестры, например, Морриган заставляла его не раз. Он справлялся о самочувствии Клио, интересовался, говорила ли она с Ведающей Матерью, зная, что иногда во снах она навещает лесных ведьм.

Стоило Морриган присоединиться к разговору, как берсерк, резко вспомнив о срочных делах, исчезал.

Она раздраженно повела плечами: «Это не должно меня волновать».

Дэмьен смотрел в окно. Руки пусты – ни газеты, ни романа, ни томика древнескандинавского, который он, к ее изумлению, недавно начал изучать. Развлечением ему сейчас, по-видимому, служили собственные мысли. Заметив Морриган, коротко кивнул. Она прошла мимо, не сказав ни слова. Усмехнулась – прекрасно пообщались.

Доминик сидел чуть поодаль, на диване у камина. Аккуратно зачесанные назад рыжие волосы, расслабленная, даже чуть вальяжная поза и привычная газета в руках. По его собственному признанию, Доминик любил находиться «на острие событий».

Морриган села в кресло напротив. Дэмьен, раздражая, маячил на периферии зрения.

– Знаете, адвокаты обычно начинают с фразы вроде: «Я должен знать, совершили ли вы преступление». Чтобы знать, как защищать подопечного, быть готовым к уликам, которые могут всплыть, и свидетельствам против него.

Доминик опустил газету.

– Признаюсь, я плохо знаком с порядками Верхнего города.

Неудивительно: в Пропasti места юристам не нашлось. Здесь каждый сам себе адвокат и каждый же может стать обвинителем. Найдешь доказательство – и на того, от чьих рук и чар ты пострадал, наденут серую маску, провозгласив его обезличенным. Мрачная, надо заметить, перспектива.

Однако что-то подсказывало: большинство споров решалось своеобразной дуэлью, схваткой один на один. В иных случаях – и банальным тайным убийством.

– Но я вынужден поинтересоваться: к чему ты клонишь? Если ты о том, не хочу ли я перебить всех лордов Пропasti, чтобы заполучить Тольдебраль вместе с тронem...

Морриган открыла было рот, чтобы возразить. Услышав заключительные слова Доминика, со щелчком его захлопнула.

– ...твоя мать уже предлагала мне этот вариант. Я отказался.

– Хах, – только и смогла сказать она.

Отчетливо представилось недовольное лицо матери. В свою бытность *живой* ведьмой Бадб Блэр любила идти коротким путем. Привлекать на свою сторону очарованных ею, подчинять тех, кто способен к подчинению, и убивать остальных. Иногда – превращать последних в слуг в уже мертвом обличье. Своего рода наказание... и экономия сил и ресурсов.

Смерть и возвращение в мир живых в ипостаси лича, ревенанта изменила Бадб. Она стала проводить больше времени с дочерьми и куда меньше прибегала к разрушительным полуночным чарам. Однако для Леди Ворон попасть в Пропасть то же, что ребенку – в оставленный без присмотра магазин сладостей. Бери то, что помещается в карман, делай все, что захочешь. Наказания не будет, если не попадешься. А Бадб Блэр умела прятаться среди теней.

– Это что-то вроде методики перевоспитания?

Губы Доминика тронула легкая улыбка, но отвечать он не стал.

Морриган откинулась на спинку кресла, положив ногу на ногу: жест сопровождался скрипом кожи. Ей не терпелось сбросить осточертевший костюм.

– Чтобы привести вас к победе и поднести на блюдечке корону, я должна взаимодействовать с враждебными к вам Домами. И пусть ваша защита – в первую очередь дело Дэмьена и ваших боевых колдунов, я должна знать, чем вы можете защититься от членов Высокого Собрания. И какую силу можете им предложить.

Доминик, заинтересовавшись, отложил газету на хрустальный столик в опасной близости от кружки с чаем, от которой исходил пар.

– С чего ты решила, что я колдун? Разве я не могу быть обычным человеком... обычным преступником, сбежавшим в Пропасть?

Морриган поморщилась. Подобные игры она не любила. Предпочитала прямой и четкий ответ.

– Бросьте, Доминик. Обычному человеку непросто стать главой Дома и привлечь в качестве адгерентов колдунов, то есть людей, заведомо более сильных. К тому же, будучи ведьмой, я чувствую заключенную в вас колдовскую мощь. – Она побарабанила пальцами по подлокотнику. Словно подавая ему пример, лукавить не стала: – Правда, никак не могу ее распознать. Однозначно, что-то темное. Что-то редкое. То, с чем мне еще не довелось встречаться.

На обычно бесстрастном лице Доминика заиграла улыбка.

– Рад, что остался для тебя загадкой. Твоя мать читает меня, словно открытую книгу.

Намек, где искать ответ? Упрек в недостаточной силе? Или очередное (и в который раз не в ее пользу) сравнение с великой Бадб Блэр?

Морриган подавила раздраженный вздох и поймала себя на мысли, что в последнее время часто раздражается. А все эти жители Пропasti с их пристрастием нагнать туману...

– Послушайте, я спрашиваю не из любопытства. Мне нужно знать, как...

– Я перефразирую, раз понять намеки для тебя – непосильная задача, – хлестнул Доминик. – Моя сущность, колдовская или нет, – совершенно не твое дело.

Морриган впиалась ладонями в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев.

– Мое, если эта информация поможет выполнить часть сделки и посадить вас на трон.

– Какая жалость, что я не могу облегчить тебе задачу. – Взгляд льдисто-голубых глаз приковывал к месту. – Придется немного поднапрячься и найти другие пути. Разве не для этого я тебя нанял?

С языка почти сорвалось «меня никто не нанимал», но Морриган нехотя его прикусила. Да, жалование не платили, но у нее и Клио отныне была крыша над головой и протекция одного из Домов Пропasti. Она прикрыла глаза. Вот, значит, каково это – подчиняться? Быть вынужденной терпеть взгляд свысока и снисходительный тон?

– Но...

– Нет.

Сложно вообразить Доминика теряющим терпение. Даже сейчас. Морриган иногда казалось, что в глазах лорда отражается та стьялая, почти превращенная в лед кровь, что течет по его венам. Вспомнить хотя бы, как хладнокровно он отреагировал на новость о том, что на всех лордов Пропasti открыта охота. И они, если верить Ведающей Матери, будут умирать один за другим.

Вспышка в глазах Доминика говорила о многом. Ненавидя и его, и Дэмьена – за одно лишь присутствие при унижительном для нее разговоре, – Морриган поднялась. Пусть Доминик катится напрямиком в Юдоль Хаоса. Хочет держать свою сущность в тайне – она пойдет с других козырей.

В спальне Морриган сменила костюм охотницы на облегающее платье вишневого цвета в тон любимой помаде. Время для маскарада прошло.

В охваченном полумраком подвале трое жрецов вуду готовились к ритуалу: чертили на полу символы – вева, рассыпали подношения очередному духу – Лоа. Аситу, симпатичный парень чуть постарше Морриган, с характерным широким носом и белозубой улыбкой, ярко сияющей на темнокожем лице, не сводил взгляда невинных щенячьих глазок с Саманьи.

А ведь поначалу Морриган думала, что бокор, способный воскрешать мертвых, жрица-мамбо и жрец-хунган – одна семья. Вполне возможно, во время знакомства с адгерентами Дома О'Флаэрти ей даже говорили обратное, но запоминала она лишь ту информацию, которая была жизненно необходима.

«Поэтому ты помнишь каждую татуировку на теле Дэмьена Чейза?»

Внутренний голос Морриган мог посоперничать в ядовитом ехидстве с ней самой.

– Аситу, можно тебя?

Он ослепительно улыбнулся, будто ему только что сделали самый лучший в мире комплимент. Отряхнув руки, оставил Саманью и Ганджу вполголоса обсуждать что-то и подошел к Морриган.

– Доминик мне все уши прожужжал про твоих чудесных призрачных слухачей. Могу я одолжить парочку?

– Я думал, Бадб – твоя главная осведомительница.

Морриган поморщилась. Поначалу так и было. Она не настолько глупа, чтобы не замечать очевидные преимущества. Как и то, что мать способна обращаться в птицу и выведывать тайны

без труда. Однако каждое свое появление с крупницей добытой информации Бадб превращала в целое представление со скрытым между строк посланием: «Что бы ты делала без меня?»

Морриган, которая привыкла рассчитывать только на себя, доминирования Бадб хватило всего на несколько дней.

Ей нужен собственный козырь, которого у Леди Ворон нет.

Аситу с улыбкой вскинул ладони.

– Все сложно, я понимаю, – удивительно, но акцент в его речи почти не ощущался. В отличие от Саманьи, он говорил на ирландском бегло и правильно. – Вот, возьми.

Хунган продемонстрировал стеклянный кулон на цепочке с мерцающим содержимым: темным, призрачным, словно ключья дымчатого тумана или пепел мира теней.

– Что они вообще такое? В детстве я почему-то считала их существами древней крови. Только маленькими и призрачными. Вроде сказочных пикси.

– Тебе же известно, что пикси не существует? – фыркнул Ганджу, оторвавшись от вычерчивания веде на каменном полу.

– Мне было шесть, имейте совесть, – буркнула Морриган. – Потом я увидела картинку со слухачами и решила, что они зачарованные мотыльки.

– На самом деле похожи, – Саманья улыбнулась, глядя на кулон в руках жреца.

Откинула заплетенные в тонкие косички волосы, чтобы не лезли в лицо. Аситу смотрел на нее как завороченный. Казалось, в его глазах вот-вот запляшут мультяшные сердечки. Захотелось щелкнуть пальцами перед его лицом, чтобы привести в чувство, но Морриган сдержалась.

– Когда о призрачных слухачах заговорила Бадб, я поняла, что дело нечисто. Ей интересно лишь то, что имеет отношение к миру теней. Так что, это вытянутые оттуда тени? Их отголоски? Или растерзанная на части душа?

– Аситу и что-то, растерзанное на части? – хохотнула Саманья. – Ты плохо его знаешь. Он как-то пытался приделать раненой птице, на которую напал кот, крылышко из теней. Крылышко, которое слепил из полуночной энергии.

– И как? – с искренним любопытством спросила Морриган.

– Не прижилось, – сокрушенно признался Аситу. – Что до слухачей... Главное – они умеют слушать.

– Но кто они?

– Ты не сдаешься, да? – Саманья покачала головой, хотя в ее голосе ощущалось одобрение.

– Слухачи – это тени, которые перешли в мир живых в результате одного... ритуала. Не растерзанные тени. Их называют просто слухачами, но я называю их морфо, – Аситу смущенно и совсем по-детски улыбнулся. – Ну, такие дневные бабочки.

Морриган рассмеялась.

– Я поняла. Ты из этих...

– Любителей придумывать привычным явлениям вычурные названия?

– Романтиков, я хотела сказать. Но и это тоже.

Аситу снова разулыбался.

– В общем, чтобы морфо добыли тебе нужные сведения, сожми кулон, прошепчи нужное имя, отвинти крышечку и выпусти их на волю. Они разлетятся по Пропастям, как рой мерцающих ос, и будут слушать и запоминать все разговоры, в которых упомянут это имя. Либо с помощью путеводных чар (уверен, они тебе знакомы) ты можешь указать конкретное направление, человека, место, дом. Морфо будут кружить вокруг, пока не насытятся.

– Они питаются слухами?

– Именно, – с довольным видом подтвердил Аситу.

Морриган с хищной усмешкой сжала кулон в руках. Если морфо и впрямь так хороши, они подслушают, о чем болтают главные конкуренты Доминика. Выведают их слабости и сильные стороны. Покажут, чего те на самом деле желают.

Чтобы как можно больше Высоких Домов отдали свои голоса за лорда О'Флаэрти, тот должен обрести влияние среди существ древней крови и представителей других Домов и заработать их симпатию. «Заработать» – слово, пожалуй, ключевое, с единственным уточнением: выбивать и выторговывать (в зависимости от выбранной тактики) голоса за Доминика будут Морриган с ее пока не названной ролью и Дэмьен, известный в Пропасти как устранитель проблем.

Что она успела понять про Доминика – из своих ресурсов он старался выжимать все.

Что ж, не только Бадб любила маскарады, шоу и театральные представления. Морриган не прочь примерить на себя образ феи... или Daidí na Nollag¹.

Ей нужен этот Дом. Ей нужно место адгерента. А значит, она пойдет на все, лишь бы посадить Доминика О'Флаэрти на трон.

---

¹ Daidí na Nollag (*ирланд.*) – Папа Рождество (Отец Рождества); аналог Деда Мороза и Санта-Клауса в Ирландии.

Глава 2

Демоны в клетках человеческих тел

Расположившись на полу, Морриган вынула из грубой деревянной шкатулки пачку мемокардов и рассыпала перед собой. Каждая из тонких полупрозрачных пластин, что записывала информацию напрямую из человеческой памяти, хранила не только список Домов Пропasti, но и заметки Морриган об их главах, сыновьях с дочерьми и адгерентах.

Часть информации она узнала от Доминика и Дэмьена, часть – от Бадб и архивариусов Пропasti.

На сей раз в гонке за трон участвовала чертова дюжина Высоких Домов и лишь пара представителей существ древней крови. Последних Морриган пока не рассматривала – переманить их на сторону одного из Домов будет сложно.

У существ древней крови особое видение ситуации и весьма сложный характер, которому присущи упрямство, своеволие и несговорчивость. Их давняя мечта – посадить на трон одного из своих представителей, что, по их мнению, подчеркнуло бы статус Пропasti как города без насаждаемых кем-то свыше правил. Прежде нигде и никогда носители древней крови не были монархами и политическими лидерами. Слугами, боевыми единицами, цепными псами – но не лидерами. И, возможно, только в Пропasti у них есть шанс сломить порядок, сложившийся десятилетия или даже века назад.

Морриган перетасовала мемокарды, как колоду. Разложила карточки с восемью наиболее слабыми или менее тщеславными Домами, не входящими в чертову дюжину. Все они подписали отказ от притязаний на трон, обеспечив себе относительную безопасность. Смерть их представителей для претендентов на титул короля Пропasti отныне не имела ценности... Чего не скажешь об их голосах.

Отказники не только формировали ядро регентского совета (пока остальные заняты битвой за трон, им не до налаживания городского порядка), но и имели право требовать за свой голос, подаренный тому или иному Дому, все, что вздумается. Деньги, услуги, магию.

Все.

Задача Морриган – выяснить, какова цена. И найти способ ее заплатить.

Как бы ни ярились рассветные ведьмы и колдуны, их чары проигрывали в силе полуночной – уж кому, как не Морриган, об этом знать. Дану запрещала причинять своей магией боль и разрушения. Многие пытались обойти запрет, но ничего не вышло. Исключением оказалась разве что плеть-молния.

Морриган до сих пор не понимала, как колдунам удалось превратить стихию в оружие. И судя по тому, что огненные или ледяные плети все еще не в ходу, повторить этот, возможно, случайный, успех никому еще не удавалось.

Иногда такое положение вещей даже... злило. Будь рассветная магия сильнее и разрушительнее, такие, как Морриган, не искали бы могущества в полуночной. Но будь рассветная сила смертоносной, богине-матери, источнику жизни, принадлежать она не могла.

Неудивительно, что большинство лордов-отказников – рассветные колдуны.

Дом Риволь, глава – Тиира. Судя по записям – аниморф. Любит форму полярной медведицы больше человеческой.

Морриган покачала головой. С этими аниморфами та еще путаница. Завидишь медведя, бежишь от него со всех ног, а он оказывается прирученным лесными ведьмами и безобидным, как котенок. Или вовсе анимагом, который заблудился в лесу и решил спросить дорогу, а перевоплотиться забыл. А бывает, примешь невероятную пуму за красавицу-аниморфа, а потом залечиваешь травами и заклинаниями раны от звериных когтей.

Дом МакРори, глава – Тара. Колдунья истины, чтица по крови. Сильная чтица, говорят, но что дает эта магия в террариуме, который представляет собой Пропась? Разве что понимание истинных мотивов друзей и врагов.

Дом Маалон, глава – леди Ханна, ведьма пути. Дом Бакли... Любопытно, специализация не указана. Дом Даффи – то же самое. Секреты, секреты... Были среди отказников и полуночники: наверняка слабые колдуны хаоса, веретники и колдуны крови.

Раздался короткий стук в дверь, спустя мгновение в комнату заглянул Дэмьен. Он сбрил отросшие виски, обнажая рунические татуировки под темным ежиком волос. Облаченный в неизменную черную кожаную куртку, оперся о дверной косяк и сложил руки на груди. Пожалуй, больше всех его татуировок Морриган нравились самые вызывающие – змеи, головой касающиеся фаланг средних пальцев. На одну из них она и смотрела, пока насмешливый голос не вернул ее к действительности:

– К тебе пришли.

– Не припоминаю, чтобы заводила здесь знакомства. Кто?

– О, это тебе лучше увидеть самой.

Морриган прищурилась, настороженная странной интонацией в голосе берсерка. Хотела расспросить поподробнее, но отвлек стук в окно. Она обернулась, ожидая увидеть Бадб. За стеклом зависли похожие на бабочек призрачные создания. Первая партия выпущенных на волю морфо успела насытиться слухами.

Впорхнув через открытое для них окно, призрачные слухачи закружились у лица Морриган, настойчиво требуя внимания.

– Та-ак, – протянула она, – хорошо. А как тепе... Ай!

Не спрашивая разрешения, мерцающие малявки одна за другой влетели в уши. Вслед за щекоткой на Морриган обрушились десятки чужих голосов, на разный манер произносящих имена леди и лордов Пропасты.

– Ты не знала, как работают слухачи? – насмешливо спросил Дэмьен, явно наслаждаясь ее брезгливой гримасой.

Морриган даже не пыталась сохранить лицо.

– Фу, боже... Ай!

Резко выдохнув, она взяла себя в руки, и несколько минут стояла без единого движения, для лучшего сосредоточения прикрыв глаза. Мысленно раскладывала по полочкам нашептываемые ей фразы, отсеивая ненужные.

– Все, я поняла. Сгиньте, мелочь!

Передергивая плечами, Морриган открыла стеклянный кулон и запустила внутрь призрачных помощников Аситу. Помотала головой, проверяя, не остался ли там кто.

– Тебя ждут, – напомнил Дэмьен.

В вестибюле дома Доминика О'Флаэрти собрались, казалось, все адгеренты. И Бадб с Домиником. И Саманья с Аситу и Ганджу. И Клио с верной голубкой на плече и приоткрытым от удивления ртом. И недавно вернувшаяся в Пропась из дальних краев Ада, высокая и худая девушка с незапоминающимся блеклым лицом. При виде Дэмьена рассветная ведьмочка порозовела и принялась одергивать платье с рассыпанными по светлому полотну распустившимися яркими цветами. Морриган покусала губу, чтобы не рассмеяться. Вот же стервец...

– Что ты уже успела натворить? – вкрадчивым тоном, в котором слышался неприкрытый упрек, спросила Бадб.

Заглянув поверх плеча матери, Морриган наконец увидела, что так всех взволновало. С губ сорвалось изумленное:

– Балор меня забери.

Каменистую площадку перед особняком Дома О'Флаэрти заполонили немертвые стражи, когда-то поднятые Агнес Фитцджеральд из земли. Со смертью королевы-веретницы чары не разрушились, лишь ослабели, потому что были живы фоморы, заключившие с ней сделку.

Черт дернул Морриган освободить одного из демонов из плена разлагающейся плоти и гниющих костей. Она бы и забыла об этом, если бы не пара десятков фоморов в ловушке человеческих тел, столпившихся у порога.

– Видимо, твой дружок рассказал товарищам о великой освободительнице демонов Морриган Блэр, – прозвучал над ухом ехидный голос Дэмьена.

– И что теперь прикажете с ними делать?

Смуглое лицо Ганджу прорезала усмешка.

– Вероятно, освободить.

Веретническим искусством Морриган не владела, но могла стать для демонов своеобразной проводницей в мир теней. Чем ей, похоже, и придется заниматься ближайшие несколько часов.

– А что скажут жители Пропasti, если узнают, что Морри... ммм... распустила стражу? – заволновалась Клио.

– Пусть установлением порядка занимается регентский совет, – равнодушно обронила Морриган.

И снова заметила странную гримасу Дэмьена – двойника той, что появилась на его лице, когда она освобождала демоненка у монастыря обезличенных, который, судя по всему, и сдал ее остальным. Берсерк не одобрял сочувствия Морриган к порождениям мира теней, хотя ее родная мать была личем, а значит, таким же, пускай и более могущественным, порождением.

Да ну и демон с ним.

Однако наивно полагать, что Дэмьен не поторопится озвучить свое наиценнейшее, прямо-таки бесценное для общества мнение.

– Не думаю, что это разумное решение.

– Не думаю, что спрашивала тебя. Нет, я в этом даже уверена. – Она перевела на Дэмьена холодный взгляд и припечатала: – Не спрашивала.

– А я обращаюсь не к тебе, – спокойно отозвался он. – Ты адгерент Дома О'Флаэрти. Все последствия за твои действия лежат на Доминике и его Доме.

– Я очень ценю твою трогательную заботу о моей репутации, – сухо вато сказал Доминик. – Но ты мой телохранитель, а не советник. Я нанял тебя, чтобы ты не думал, а действовал.

Лицо Дэмьена перекопилось. Даже Морриган при всех тех эмоциях, что берсерк в ней вызывал, стало не по себе.

Не слишком справедливое замечание, если учесть, что Дэмьен был частью плана под кодовым названием «Король Доминик» и, к досаде Морриган, успел выбить для лорда один голос от Дома Дорган. И снова это «нанял». Впрочем, так ли странно наблюдать за цикленностью на власти и желании подчинять у того, кто жаждал стать королем? И все же в Доминике ей виделся выросший маленький мальчик, которому в детстве не хватало денег на игрушки, а теперь, когда он наконец дорвался до них...

Подойдя к ближайшему немертвому стражу, Морриган вынула из поясной сумки зеркало и свечу. Поднесла ее к глазам, зажгла фитиль и прошептала: «Issia eliss». «Прояви тайное». Отражение мира теней через призму чар истины показало: воздух над ее плечом не пустовал. Там висел комок тьмы с иголками-лучиками. Знакомая энергия...

– Мелкий доносчик, – сузив глаза, обвинительно проронила Морриган.

Демоненок метнулся из стороны в сторону, будто просил прощения. Она медленно покачала головой и принялась вызволять из плена его друзей.

Наверняка это было довольно странное зрелище. Сопровождаемая взглядами адгерентов и главы Дома, Морриган подходила к немертвому стражу и клала ладонь ему на грудь. Часть

ритуала была скрыта от взглядов тех, кто не имел никакого отношения к полуночной магии. А именно та, где из груди стражей вырывались сгустки тьмы, заменяющие и мозг, и волю, и душу фомора, и уходили через проложенный Морриган путь в мир теней.

А вот финальный аккорд драматической пьесы был виден и людям, и колдунам. Лишенное демонической сущности (а вместе с ней и подобия жизни) упокоенное тело падало к ногам Морриган.

Несмотря на смрад, порожденный скоплением тел, поднятых из могилы с помощью веретничества, Доминик рискнул подойти поближе. На его лице читался неприкрытый интерес.

– Ты вырываешь их души? А можешь проделать подобное с живой душой?

Теперь любопытство лорда стало объяснимо. Умей Морриган подобное, оказалась бы весьма ценным приобретением. В качестве... солдата, как Доминик когда-то окрестил Дэмьена.

Морриган поспешила развеять его иллюзии.

– Не души, мистер О'Флаэрти. Лишь демонов. Вряд ли каждый лорд Пропasti ими одержим, – она усмехнулась столь явному разочарованию, проступившему во взгляде Доминика. – Мне не нужно вырывать души из тел врагов, чтобы посадить вас на трон.

Ответом лорда была не улыбка – лишь слабая ее тень.

– Надеюсь, охотница. Надеюсь.

«Бывшая», – хотелось сказать ей. А впрочем, Доминик и сам это знает. Спустись Морриган в Пропасть по заказу Трибунала, каждый из стоящих напротив превратился бы в потенциальную жертву охотницы за головами.

И Дэмьен, любитель тайн и татуировок, и вся «вудуистская семья» – Ганджу, Саманья и Аситу. И Доминик, и даже... Клио. Вечно мечущаяся между черным и белым Морриган застыла на поле, окрашенном в полуночный. Новая веха в ее переменчивой судьбе? Или бесповоротное решение, после которого возврата в прошлое уже не будет?

Не встретив протеста со стороны Доминика, Морриган вернулась к делу. Своей очереди ждали почти два десятка полумертвых созданий.

Черные блестящие глаза Бадб наполнились неодобрением. Если бы она и спасала кого-то из мира теней, то исключительно «высокопоставленных» созданий мира мертвых – демоническую свиту самого Балора. И лишь для того, чтобы требовать ответную услугу с короля фоморов.

Расследуя убийство Агнес Фитцджеральд, Морриган не раз ловила себя на мысли: почему Бадб Блэр, которая не гнушалась никакими методами на пути обретения магической силы, будучи еще живой, не стала веретницей? А потом поняла: мать никогда бы не пошла на подобное. Обращение к веретничеству означало бы, что отныне и навсегда она зависима от сидящего внутри демона. Нет, это не для Бадб. Она привыкла распоряжаться колдовской силой на своих условиях. Не желала ни от кого зависеть и кому-то подчиняться.

Сложно сказать, радовало ли Морриган очередное их сходство. Взгляд против воли обратился на Доминика. Что ж, не всегда все получается так, как мы хотим.

Во всяком случае, не сразу.

– Ты растрачиваешь силу понапрасну, – сухо проронила Леди Ворон.

Морриган и не сомневалась, что молчать она не станет.

– Не понапрасну, – возразил лорд.

Ого. Стоило пережить нападки матери ради того, чтобы увидеть ее вытянувшееся лицо. И даже слегка побелевшее от гнева, что странно: Бадб, как-никак, давно мертва. Иллюзия? Если только прочно переплетенная с мертвой сущностью Леди Ворон. Ведь когда внутри полыхает злость на любовника, вздумавшего сказать слово поперек, последнее, о чем ты будешь думать, – театрально побледневшая кожа.

А любовник, надо сказать, хорош. Неужели Доминик будет первым, кто не окажется под каблуком легендарной Бадб Блэр? Впрочем, и не таких она ломала, чтобы перекроить под себя.

Не замечая реакции Леди Ворон, Доминик подбородком указал на людей, толпящихся за пределами двора с невысокой (исключительно для красоты, не защиты) решетчатой оградой. Все внимание Морриган перетягивали на себя немертвые, а потому лишь сейчас она заметила за спинами стражей живых.

– Пусть твоя дочь способна лишь изгонять порождения мира теней обратно в их обитель, они-то этого не знают. Для них происходящее видится таким же, каким его видел я: что Морриган способна вытянуть из человека душу. Из живого человека.

Морриган с усмешкой приосанилась. Подобный домысел, пускай и не имеющий ничего общего с реальностью, льстил. По позвоночнику пробежал холодок, в голову постучалась мрачная мысль: с каких пор она жаждет репутацию могущественной, всесильной *полуночной* ведьмы?

Как будто тот факт, что она перестала быть охотницей, снимал с нее обязательства удерживаться в рамках магии исключительно рассветной.

Ну уж нет. Нет, Балор тебя заberi!

«Это все Пропасть. Она со всей этой своей вседозволенностью так на меня действует».

Морриган злилась и, пытаясь себя оправдать, злилась еще больше. С каких пор она прячется за оправданиями?

Даже в самые страшные мгновения жизни, когда она увидела запертую в зеркалах душу младшей сестры и ее мертвое, бездыханное тело, Морриган не позволяла своей ярости брать вверх. Не позволяла страху за Клио и ненавистью к ее убийце затмевать рассудок. А сейчас едва не таяла от слов Доминика, что окружающие могли видеть в ней опасную полуночную ведьму. Да, по правилам навязанной лордом игры подобная маска необходима. Да, хороший актер должен вживаться в роль. Но, когда опускался занавес, актер смывал грим и снимал театральные костюмы. Он становился собой. И не забывал, кто он.

«Играй, Морриган. Но не заигрывайся».

В реальность ее вернул голос лорда.

– Мне ведь на руку молва о том, что одна из моих ведьм выпивает из людей душу?

Морриган задумчиво смотрела на Доминика. Не очень хотелось признавать собственные ошибки, но одну она, похоже, допустила, приняв сдержанность лорда О'Флаэрти за безучастность. Может, великим стратегом, что просчитывает наперед десятки ходов, его не назвать, но видеть преимущество той или иной ситуации он способен.

Молчание Бадб говорило о ее ярости куда красноречивее любых слов. Ее глаза метали молнии. Со вскинутым подбородком она направилась к особняку.

Морриган, обронив рассеянное: «Верно», – провожала мать взглядом. Ох, не поздоровится сегодня Доминику. Отягощало вину лорда то, что уход Леди Ворон он и не заметил. Тихонько хмыкнув, Морриган покачала головой и обменялась с Клио понимающими полуулыбками. Остальные адгеренты Дома остались в блаженном неведении о драме, что разыгралась на их глазах.

Ада наверняка скроется в доме немногим позже Бадб. Судя по сереющему лицу, рассветной ведьме было непросто вынести вид разлагающихся тел, которые усеивали двор, словно свежая рассада. Словно кости – владения кладбищенских ведьм. Или, быть может, причиной ее недомогания стал исходящий от упокоенной стражи смрад. Он лишь усиливался после того, как демоны покидали тело.

Морриган гадала, насколько еще ее хватит. Ада держалась как могла и в качестве стимула то и дело поглядывала на Дэмьена. Облаченный в черную кожу берсерк пусть и досадливо морщился, но пристально наблюдал за ритуалом и никакого внимания на рассветную ведьму

не обращал. Бедняжке ничего не оставалось делать, как скрыться в стенах особняка, куда, к счастью, не впускали мертвых или близких к тому. Бадб не в счет.

«Клио, – подумала Морриган, вздрогнув, – тоже».

Пока к ней черепашым шагом ковылял очередной страж (с потерей веретнической связи многие демоны стремительно теряли способность управлять человеческим телом), Морриган бросила быстрый взгляд на младшую сестру. Клио стояла в сторонке, рядом со смуглянкой Саманьей, и держалась куда лучше Ады, которая была на несколько лет старше и дольше жила в Пропasti. А значит, успела повидать всякое.

Сложно прочитать что-то по лицу, на треть скрытому белой шелковой повязкой, но голубка – фамилляр Клио и ее глаза – не отводила взгляда от Морриган и немертвой стражи. Что-то подсказывало: в спрятанных под повязкой глазах сестры, останься они видящими, Морриган бы прочитала интерес исследователя, пытлиное любопытство. Взгляд Клио был бы скальпелем – тем самым, который в прошлой жизни она мечтала держать в руках.

Очередной фомор вырвался из клетки, где прутьями решетки служили человеческие кости. Нырнул в безграничное черное пространство, именуемое миром теней, чтобы затеряться среди братьев. Что они делали со своей свободой там, где нет ничего живого? Морриган не знала и, наверное, даже не хотела знать.

Невольно вспоминались рассказы Клио о Юдоли Печали, в которой ей, перешагнувшей порог между жизнью и смертью, довелось побывать. Там ничего не было.

Ничего, кроме душ и теней.

Когда поздним вечером Морриган вернулась в дом с едва плещущейся в венах колдовской силой, она выпустила в мир теней две дюжины демонов, оставляя позади две дюжины мертвых тел.

Глава 3

Сны голубки

Сны – вот что олицетворяло для Клиодны Блэр ее новую жизнь.

Жизнь в Пропasti, в особняке Доминика О'Флаэрти – сначала чужом, а теперь... Она даже не знала. Бадб чувствовала себя здесь как дома, особенно если учесть особую с Домиником связь. Морри воспринимала нахождение в Доме О'Флаэрти даже не как вызов – как работу. Сестра в очередной раз ее защитила.

А Клио свое место здесь пока не поняла.

Ослепнув, какое-то время она не видела снов. Точнее, просто не могла позволить себе заснуть настолько крепко. Впадая в дрему, видела пугающий отчего-то белый свет. Сам по себе он не был страшным, хоть и наводил на мысль о смерти. О тоннеле, залитом ослепительно ярким сиянием. Клио, посвятившая несколько месяцев изучению медицинских статей и энциклопедий, знала, что он не более чем галлюцинация умирающего. Причуды мозга, в который перестает поступать кислород, нарушая, как следствие, работу височной доли, либо же результат активности умирающих клеток. Но когда видишь белый свет собственными глазами... вернее, собственным внутренним зрением, все научные умозаключения кажутся ерундой.

Однако больше всего Клио страшило ощущение стремительного водоворота, который упорно затягивал ее куда-то. Чувствуя себя безвольной песчинкой, не зная, что ждет ее там, на глубине, она сопротивлялась этой дреме. Запрещала себе засыпать.

Лишь разговор с Ведающей Матерью, что подарила Клио не только глаза, но и чудесного белокрылого фамильяра, помог ей перестать бояться снов. И они словно отплатили Клио за доверие, став причудливее и ярче, размыв границы между собственным и чужим сном.

Вот и сейчас, лежа в кровати, Клио одновременно находилась под сенью дерева-великана. Лес всегда был декорацией Ведающей Матери – или та могла контролировать собственные сны, или ничего, кроме дома, ей не снилось. Чаще всего, как сейчас, это был Неметон – священная для друидов и лесных ведьм роща.

Веда сидела на голой земле, сухопарая, босая, в легком платье цвета слоновой кости. Шелковистый ветер трепал ее волосы – седые и вьющиеся, они доходили до середины бедра. Окружающее лесную ведьму пространство наливалось сочной зеленью травы и пестрело красными точками спелых ягод.

Здесь, во снах, Клио была зрячей. Здесь она смотрела на мир собственными глазами. И казалось, без взгляда белой голубки он был чуточку тусклее.

– Как ты, голубка? – ласково спросила Ведающая Мать.

– Сны становятся настойчивее, – отозвалась Клио, зная, что лесная ведьма спрашивает именно о них.

Морриган, когда она задавала похожий вопрос, волновало другое. На ее глазах Клио не просто потеряла зрение. Несколько долгих – и для Морри, и для ее запертой в зеркале младшей сестры – дней Клиодна Блэр была мертва.

– В мои собственные сны вмешиваются осколки чужих. Иногда я и вовсе вдруг оказываюсь во сне кого-то из знакомых. Это... смущает.

– Ты – сноходица, голубка. Так и должно быть. Только они могут блуждать в чужих снах. Дар этот редок, но, как и в случае с любым другим, пока ты его не постигнешь, он будет сопряжен с трудностями и неудобствами.

Снова живое, сердце Клио забило с удвоенной силой. Впервые Ведающая Мать так ее назвала. Впервые обозначила ее принадлежность к рассветным ведьмам. И это слово, отозвавшись глухим эхом в голове, вызвало смешанные чувства.

Еще месяц назад Клио твердо собиралась следовать плану, который сформировался в голове давным-давно. Закончить последний класс школы и поступить в университет. Отучиться на врача – скорее всего, на хирурга. Работать, спасать жизни, жить.

Не постигать полуночное ведьминское искусство, как Морриган долгие годы. Не быть даже рассветной зеркальной ведьмой – вроде тех же наводнивших Кенгьюбери чтиц.

Просто не быть ведьмой.

И уж конечно, не умирать, позволяя затянуть душу в зеркало, а тело – использовать и бросить посреди улицы, словно мусорный мешок. Не оживать при помощи магии вуду, не слепнуть, расплачиваясь за свое возрождение. Не смотреть на мир глазами белой голубки. Не привыкать к жизни в Пропasti, полной полуночных ведьм и колдунов, большая часть которых была отступниками, сбежавшими от кары Трибунала. Не свыкаться с мыслью, что теперь, когда тело окружает тэна – немой и неподкупный свидетель примененных к ней полуночных чар, – Кенгьюбери, родной и любимый город, навсегда для нее закрыт.

Она больше не человек. Она, хоть и рассветная, но ведьма.

– Сноходица, – тихо повторила Клио, выводя на земле пальцами круги и спирали.

– Ты в смятении, – мягко сказала Ведающая Мать. – Я понимаю.

– Вы... – Клио помолчала, тщательно подбирая слова. Последнее, что она хотела – обидеть ведунью. – Вы привыкли жить с осознанием, что вы – ведьма, привыкли жить среди таких же, как вы, ведьм.

Ведающая Мать хрипло рассмеялась.

– А ты, голубка, нет? Твоя мать – Леди Ворон, о которой до сих пор слагают легенды, одна противоречивей другой. Сестра – потомственная полуночная ведьма, которая, несмотря на молодость, уже сумела привлечь к своей персоне достаточно внимания.

Клио помолчала. На поверхности – да, все так и было. Но если заглянуть вглубь...

Именно для этой глубины она и пыталась подобрать слова.

– Потребовалось много времени, чтобы мама поверила – я не передумаю. Ведьмой не стану. Когда она это поняла, переключила все свое внимание на Морри. А она... Морри всегда поддерживала любое мое решение. Мне дали свободу. Когда Морриган исполнилось четырнадцать, она стала вольной и ушла из дома, чтобы стать охотницей. А мама, лишившись ученицы, почти перестала возвращаться домой. Знаю, она наблюдала за мной. Часто, очень часто... но в обличье ворона. Иногда я даже путала ее с другими, настоящими птицами. Иногда не знала, она ли это или просто очередная ворона. Но со временем мама стала забывать, что ребенку нужно внимание не только старой няни, почти незнакомки, и кружащей над головой черной птицы, а женщины, с голосом которой я сроднилась с детства. И я со временем отвыкла от полуночных ведьм.

Клио с досадой закусила щеку, кляня себя и за излишнюю откровенность, и за горечь в словах, что звучали упреком. Маме, которой она была бесконечно благодарна за то, что подарила ей жизнь и всегда, как могла, была рядом. И Морриган, которую бесконечно любила.

– Я хочу сказать... В последние годы меня окружали обычные школьники и учителя. Я не изучала магию – даже бытовую. Просто... не хотела. А теперь вы говорите, что я – сноходица. И я...

– Ты растеряна. Я понимаю.

Какое-то время они молчали, слушая только звуки леса – необычайно убедительные в этом слишком реалистичном сне. Иногда, чтобы почувствовать чью-то поддержку, не нужно слов.

– Не знаю, утешу ли тебя или, напротив, огорчу, но я думаю, все произошедшее с тобой – не случайно.

– Хотите сказать, быть обычным человеком – не моя судьба?

– Я ведунья. Я обязана верить в судьбу. Но есть что-то и помимо веры.

– И что же?

– Знание. Представь, что не твоя душа оказалась бы заперта в зеркале. Не твоя, а чья-то другая сестра или мать спустилась в поисках помощи в Пропасьт. В ту девушку родители не заронили бы зерна рассветной магии, которые бы взошли с переданной Бароном Самеди силой. И тогда в Пропастях не оказалось бы настолько чистого душой и доброго сердцем сноходца. Я знаю: это должна была быть именно ты.

– Я не уверена, что понимаю. Вы хотите сказать...

– Я верю – само провидение хотело, чтобы ты стала рассветной ведьмой, голубка.

– Но почему? – растерялась Клио.

– Чтобы стать для тьмы еще одним противовесом.

– Вы не любите полуночную магию.

Клио не спрашивала – утверждала. И она бы поняла Ведающую Мать, если бы не... Морриган.

– Полуночная магия – хаос. Но и хаосом можно научиться управлять. У твоей сестры пока получается.

– Пока?

– Морриган еще очень молода. С каждым годом искушений будет все больше.

Однако Клио чувствовала – что-то крылось за словами Ведающей Матери. В этом ее убедил отведенный в сторону взгляд лесной ведьмы.

Еще эта немертвая стража... Клио вспоминала, как Морриган освобождала их, призывая на помощь полуночные чары. Сестра защищала порождений мира теней – заключенных в немертвой страже демонов-фоморов, и Клио была на ее стороне. Несмотря на недоумение на лице матери, привыкшей использовать духов, теней и демонов в своих целях. Несмотря на брезгливую гримасу Дэмьена, который явно не поощрял действий Морриган.

Несмотря на то, что знакомство самой Клио с фомором едва не обернулось трагедией, когда демон, с которым она заключила сделку в мире теней, после ее воскрешения вознамерился высосать всю принадлежащую ей рассветную силу.

Никто не заслуживал оказаться насильно запертым в клетке – ни прекрасная сладкоголосая птичка, ни невидимый для окружающих, полнящийся тьмой демон.

Но что если однажды перед Морриган встанет выбор между созданиями мира живых и мира мертвых? Что если она выберет не сестру, а мир, пронизанный уже такой знакомой ей магией? Нет. Не может быть. Морри, которая перевернула Пропасьт вверх дном и прошла жесточайший ритуал, чтобы вернуть Клио зрение, никогда бы не предпочла ей мир теней. Откуда тогда эти сомнения?

Клио вздохнула. Увы, она не Ведающая Мать. Знание обо всем и вся для нее – недостижимая роскошь.

Веда таяла, таял и окружающий ее лес. Клио оказалась предоставлена самой себе. Одна посреди царства снов. Юдоль Сновидений – так она называла кипенно-белое, многогранное и чуждое пока еще пространство.

Что если это и впрямь целый мир? Или, как сказали бы в книгах, целое измерение? Мир, что застыл между миром живых и миром мертвых. Не зря говорят, сон – это маленькая смерть.

Поежившись, Клио усилием воли поспешила вернуться в реальность. Юдоль Сновидений опала белыми хлопьями, и в бесконечной белизне она с трудом разглядела застывшую неподалеку фигуру.

Человек в белом.

Клио робко улыбнулась ему. Он, как всегда безмолвно, исчез, забирая с собой Юдоль Сновидений. Затопивший сознание ослепительно яркий свет погас.

Глава 4

Крик банши

Морриган неохотно вскинула голову, отреагировав на стук в дверь, и ощутила мимолетное дежавю при виде замершего в дверях Дэмьена.

– Что-то ты в последнее время зачастил в мою спальню, – не удержалась она от смешка.

– Не обольщайся, я по делу, – мгновенно ошетинился берсерк.

Поморщился – кажется, понял, что перегнул палку. Однако Морриган не дала ему шанса исправить ошибку. Не извиниться, конечно (не его метод), но свести все к грубоватой шутке.

– С каких пор ты стал для Доминика мальчиком на побегушках? – резче, чем собиралась, осведомилась она. – Вроде бы в доме есть дворецкий.

Трудно сказать, изменилось ли что-то в лице Дэмьена с хмуро сдвинутыми к переносице бровями. Возможно, только стужи в серых глазах чуть прибавилось.

– Я отвечаю за безопасность Доминика. Немертвая стража у его дома мало соответствовала моим представлениям о безопасности.

Раз в прошедшем времени, значит, причина нового визита была иной. Морриган вздохнула.

– А на этот раз что?

– А на этот раз регентский совет хочет знать, почему адгерент Высокого Дома О'Флаэрти распустила немертвую стражу, – не без злорадства (вероятно, в отместку) сообщил Дэмьен. – Иди, отчитывайся.

Все в Морриган противилось подобной формулировке. Но ничего не поделаешь.

Они шли бок о бок, в узком коридоре почти касаясь друг друга плечами. Однако больше никаких искр, неоправданной вспышки ярости или полыхающий глаз – алым ли цветом магии или страстным желанием. Один только холод.

Отринув глупую обиду на то, что в отличие от других мужчин, Дэмьена не впечатлила ее эффектная внешность, Морриган пыталась понять: почему берсерка так оскорбила мысль, что они могут стать кем-то большим, чем просто союзниками, принадлежащими одному Дому? Что такого, если она вздумала его поцеловать? Почему он, столь охотно, страстно и жадно отвечающий на поцелуй, в какой-то момент ее оттолкнул? Нет, она искренне не понимала.

Впрочем, и сейчас, и всегда у нее были дела поважней.

Дэмьен провел Морриган до одной из гостевых спален, специально переделанных для заседания Высокого Собрании. Перемены разительны: всю мебель заменили высокие, в полный рост, зеркала, расположенные идеальным кругом.

– Проклятье, – отчетливо произнесла Морриган, вызвав на губах Дэмьена понимающую ухмылку.

Слишком часто за минувшие недели она имела дело с зеркалами.

В этих, к счастью, не застыли души – ни Клию, слава всем существующим богам, ни чьи-либо еще. Однако второй раз за день Морриган ощутила дежавю, когда увидела в их глубинах незнакомые лица.

Единственным человеком из плоти и крови, кроме них, здесь был Доминик, застывший перед одним из зеркал. Судя по всему, для остальных лордов он был лишь зеркальным отражением.

– Члены Высокого Собрании не слишком-то горят желанием встретиться друг с другом лицом к лицу, – негромко хмыкнул Дэмьен.

Оставлять ее и Доминика наедине с регентским советом берсерк не собирался. Впрочем, в отражении зеркал за спинами претендентов на трон Морриган замечала и других охранников-соглядатаев.

Она замерла рядом с Домиником. Неторопливо обвела взглядом присутствующих (правда, присутствующих лишь номинально). Около трех десятков ведьм, колдунов и существ древней крови. Поначалу Морриган удивило, как много среди них женщин, ведь испокон веков в правители выбирали преимущественно мужчин. Однако вскоре поняла: члены Высокого Собрания делали ставку на магию. А именно женщинам та наиболее подвластна.

Но скажи это самым известным и могущественным колдунам, и будешь обращен в пепел.

– Представьтесь регентскому совету, – потребовала женщина с седой косой.

Вероятно, право руководить собранием ей дали по старшинству.

Морриган мысленно обратилась к лежащим в ее комнате мемокардам. Ханна Маалон, ведьма пути, принадлежащая к Дому, который отказался от права престолонаследия.

– Морриган Блэр, – вскинув подбородок, громко и отчетливо произнесла она.

Ей нечего скрывать и нечего стесняться. Уж точно не своей фамилии.

Короткие переглядывания и снова – шепотки. Кто-то слышал о ее матери, кто-то успел услышать и о самой Морриган. Например, что убийца Агнес Фитцджеральд все же был пойман и убит ее собственными руками. И пускай доказательств не было (не считать же таковыми зеркальные осколки), Пропасть наполнилась слухами, насыщалась ими, как комары – кровью.

– Регентский совет хочет знать, как вы сумели заставить немертвую стражу снова стать мертвой, – хорошо поставленным голосом проговорила Ханна Маалон.

– Всего лишь отправила демонов, заменяющих куклам Агнес Фитцджеральд души, обратно в мир теней.

– И кто дал вам такое право? – спросила худая брюнетка с живой мимикой и нервным лицом.

– А вы кто такая? – поинтересовалась Морриган.

Дэмьен за ее спиной закашлялся, Доминик бросил неодобрительный взгляд. Морриган лишь пожал плечами. Раз уж она взялась за это дело, в Пропasti может быть только один король – Доминик. А значит, все остальные – не более чем претенденты.

– Грэйинн Овенга, – выпалила брюнетка. Совсем, надо сказать, не высокомерно.

Дом Овенга, Дом Овенга... До него добраться Морриган еще не успела – предпочла сконцентрироваться на отказниках.

– Слушайте, вы же видите, что происходит с немертвой стражей теперь, когда заклятье Агнес Фитцджеральд рассеивается. Для тех, кто слеп, есть подсказка из двух слов: «Ничего хорошего».

– Мы успешно усмиряли их, – сухо отозвалась леди Маалон.

– Не всех.

Перед глазами возникла сцена боя между взбесившейся немертвой стражей, колдунами и Дэмьеном. Почти незнакомым из-за пылающих алым глаз и нечеловечески сильным берсерком.

– Мы скрепили разорванные звенья заклинания.

– Видела. Я зеркалица, к слову. Если кто не знал. Так вот звенья ваши рвутся, чары слабеют – силы в вас куда меньше, чем в Агнес Фитцджеральд. А демоны в телах стражи, лишённые возможности вырваться на свободу, запертые в мире живых, могут наворотить такого... Живые для них, как для большинства из вас, – мертвые. Пугающие чужаки.

– Пытаешься убедить нас в том, что ты, охотница, беспокоилась о порядках в городе, жительницей которого стала совсем недавно? – насмешливо спросил седовласый О'Райли.

Что-то неприятное было в его обрюзгшем лице. Не сами черты – застывшее в глазах выражение.

Морриган послала Доминику красноречивый взгляд. Своей цели он добился. Проникнувшись театральной атмосферой Пропasti, сегодня она облачилась в платье из рубинового атласа с двумя высокими разрезами, из которых выглядывали доходящие до бедер ботфорты.

Именно в нем, а не в белоснежном костюме, она предстала перед регентским советом. Однако лорды Пропasti, благодаря разнесшимся слухам, и без того знали, кто находится перед ними.

Охотница. Угроза.

Доминик выглядел довольным, внутри Морриган росло раздражение. Ей придется играть навязанную роль. Ради безопасности Клио. Чем сильнее и опасней их Дом – тем меньше желающих напасть на него, подвергая риску собственные жизни.

– Этот город отныне и мой тоже, – отчеканила она.

Злость, проявившаяся на лицах, как спектрография на белом листе, оставила ее равнодушной. Они не Клио. Их симпатия ничего для нее не значила. А вот страх...

– И в какой момент здесь появится Трибунал?

Вопрос снова задала Ханна Маалон. Однако в ее глазах – ни опаски, ни ненависти. Ничего, что Морриган наблюдала во взглядах остальных.

Пожав плечами, она небрежно обронила:

– Пока я не вижу причин обращаться к старым друзьям. А как скоро это изменится и изменится ли вообще, зависит только от вас.

Раздался пронзительный и тонкий, на пределе слышимости, визг. Кричала банши – одно из существ древней крови, входящих в состав Высокого Собрания. Морриган, охнув, зажала уши, и ее жест отразили десятки зеркал.

Банши, предвестница смерти, предупреждала – скоро кто-то из них умрет.

Похолодев, Морриган стремительно обернулась, но в пустой комнате некому было угрожать Доминику. Застывший в дверях Дэмьен стоял к ней спиной – ноги широко расставлены, руки сжаты в кулаки и опущены вдоль напряженного тела.

Взгляд Морриган скользил по зеркалам, изучая гримасы членов Высокого Собрания. Немногие могли спокойно выдерживать визг банши, и едва ли не все из них относились к созданиям древней крови. Вервольф, мускулистая махина, даже не поморщился. Волчья кровь, текущая по венам, защищала его от любых атак. Одна из милостивых синеглазок мерроу, вынырнувших из своего озера ради заседания, зажимала рот перепончатой ладонью. Похоже, она впервые сталкивалась с предсказанной банши грядущей смертью. Другая, с длинными волосами, которые увенчивала корона из ракушек, выглядела чуть более хладнокровной. Ланнан-ши, прекрасная, словно ангел, щелкнула длинными тонкими пальчиками у ушей. Лицо ее расслабилось. Она или заглушила визг банши, или и вовсе превратила его в музыку. Для «волшебных возлюбленных», дарующих вдохновение поэтам, писателям и бардам, и то, и другое несложно.

Нервная темноволосая девица, представившаяся Грэйинн, тоже зажимала ладонями уши, а вот стоящие за ней охранники – нет. Оба, как по команде, схватились за шеи. Лица наливались кровью, глаза грозились вылезти из орбит.

Морриган подалась к зеркалам, но никого за спинами охранников не разглядела. Только тени, но и они казались естественными. Не теми, что пришли из Юдолей мира мертвых.

Отчего тогда охранники выглядели так, будто их душил невидимка?

Морриган, перекивая визг банши, закричала: «Грэйинн!»

Дюжины лиц в зеркалах повернулись к леди Дома Овенга, и та наконец разглядела, что происходит с ее боевыми колдунами. Однако саму Грэйинн неведомые чары не коснулись. Она в ступоре жалась к зеркалу боком, пока сползшие на пол охранники хрипели, царапали кожу, а их ноги отбивали дерганный ритм. Они словно танцевали под странную песню банши.

И танцем этим была сама смерть.

Никому и в голову не пришло «отключить» зеркала. Члены Высокого Собрания с ужасом (и лишь некоторые кровожадные особи вроде бааван-ши – с восторгом) наблюдали за разыгравшейся в Доме Овенга драмой. Морриган цепким взглядом следила за ними. Ханна Маалон старательно сдерживала эмоции, но взгляд выдавал ее страх. О'Райли в ужасе выпятил глаза.

Самыми спокойными были Доминик (это не новость), вервольф Роналд Лоусон и некромаг Адиф Адае. Уж последнего наверняка не пугала и не удивляла чужая смерть. Он казался столь безучастным, словно стоял в очереди за кофе.

Даже когда оба охранника Высокого Дома Овенга умерли под ошарашенными взглядами лордов Высокого Собраниа, предвестница смерти не замолчала. Грэйинн всхлипывала, стоя над телом того, кто должен был ее защищать. Развернулась к зеркалам с расширенными в немой мольбе глазами, отчаянно ища в соперниках поддержку и участие.

Не там искала. Ей бы бежать со всех ног, но и это вряд ли бы ее спасло. Подавшись вперед, Грэйинн схватилась за грудь, резким движением собрала в кулак нежно-лазоревою ткань платья. Лицо серело на глазах, взгляд безумно метался из стороны в сторону.

– Помо... – не договорив, она замертво рухнула на пол.

И только тогда обессиленная банши замолчала.

– Проклятье, – выругалась Морриган в наступившей тишине.

О'Райли развернулся в ее сторону, словно хищная птица.

– Это ваших рук дело! – визгливо вскрикнул он, указывая на нее и Доминика. Рука, покрытая старческими пигментными пятнами, дрожала. – Сначала немертвая стража, потом...

– Катись к Балору, – посоветовала Морриган.

Доминик, глядя на нее, медленно покачал головой. Она тяжело вздохнула. Нацепив улыбку и даже не пытаясь придать ей хоть толику искренности, произнесла елеинным голоском:

– Я хотела сказать, вуду есть не только в *нашем* Доме.

Поднялся гвалт. Заглушая его, в голове Морриган колокольным набатом зазвучали слова Ведающей Матери об угрозе, что нависла над лордами подобно остро заточенному клинку. «Все начнется с крика среди зеркал и закончится льющей по улицам Пропasti кровью».

Она воспользовалась поднявшейся суматохой и была такова. Ей надо подумать. А раз бледная до синевы банши молчала, новых смертей можно не ждать.

Во всяком случае, в ближайшее время.

В ожидании Доминика Морриган нервно мерила шагами гостиную. И так, одного из кандидатов на титул правителя Пропasti можно вычеркивать. Вот только отчего-то это совсем не радовало... Грэйинн Овенга стала первой жертвой охоты на лордов Высоких Домов. Но, если верить словам Ведающей Матери (а не верить им недальновидно и глупо), не последней.

Кто следующий?

В гостиной Доминик появился несколько минут спустя. Не останавливаясь, Морриган озвучила то, о чем размышляла все это время:

– Не глупо устраивать смерть одного из претендентов на трон прямо на глазах остальных?

– Нет, если это заставит кого-то из лордов отказаться от гонки. А значит, урезать список этих самых претендентов.

И наказания в виде маски обезличенного, судя по всему, можно не опасаться. Высокие Дома заняты более важными делами, чем поиски доказательств чужой вины. Морриган покачала головой. Как непохожи порядки в Кенгьюбери и Пропasti. Наверное, когда-нибудь она к этому привыкнет.

– Как думаете, кто из бокоров мог с большей вероятностью устроить показательное шоу? И бокор ли это?

– А ты, я погляжу, любишь докапываться до истины? – Доминик слегка дернул уголком рта.

– Правильно делает, – хмуро одобрил присоединившийся к ним Дэмьен. – Врага нужно знать в лицо.

Морриган оставила без комментариев неожиданную поддержку берсерка. Широким шагом он пересек гостиную и рухнул в кресло. Что-то подсказывало ей, официальные собра-

ния Дэмьен не любил так же сильно, как и она сама. Особенно те, что заканчивались чьей-то смертью.

– Мне не так много известно о членах Высоких Домов, – признался Доминик. Окликнув прислугу, велел принести чай. – Недальновидно, знаю. Но поэтому я и взял тебя на службу.

Морриган передернула плечами.

– Вы задержались. Обсуждали что-то еще?

Как оказалось, об убитой горевали недолго. Вскоре после побега Морриган зеркало Дома Овенга «потухло» стараниями кого-то из ее семьи, а заседание продолжилось как ни в чем не бывало.

– Как вы объяснили мое отсутствие?

– Сказал, что ты пошла навестить старых друзей из Верхнего города, – с почти детским восторгом поделился Доминик. – Побледнели.

Морриган одобрительно рассмеялась.

– Не понимаю, чему вы радуетесь, – сухо сказал Дэмьен. – Один из лордов Высокого Собрания мертв. Нам нужно быть еще более осторожными.

Доминик невозмутимо пожал плечами.

– Каждый из нас ждал этого момента.

– Вы о чем?

– Когда в Высоком Собрании происходит первое убийство, битва за корону по-настоящему началась.

Глава 5

Танцовщица из «Дьяволиц»

Мир расплывался цветными пятнами, веющий с юга ветер приносил ароматы цветов. Раскинув руки, Уна лежала в соленой морской воде и смотрела на небо, в котором кружились белокрылые орлицы. Пальцы ног касались теплого золотого песка. Нега, растекающаяся по венам, была столь ощутимой, что казалось, можно сцедить ее в бутылку и продать остальным. Уне хотелось этого, хотелось поделиться счастьем, которому не было границ.

Она с неохотой выбралась из воды, чтобы обсохнуть под ярким солнцем. Подставила мокрые светлые волосы его обжигающим лучам. Малютки-богарты соревновались в скорости бега, пикси с разноцветными крылышками жужжали над ухом. Тут и там в воде мелькал русалочий хвост мерроу. А вдалеке, за морем, – сочное, зеленое, подвижное море леса, где вместо волн – колышущаяся от ветра листва. Лес, ставший домом для сотен ши.

Дикая, не испорченная грубым человеческим прикосновением Ирландия, где нет людей – лишь существа древней крови. И она, королева Благого Двора – высшая сидхе по имени Уна.

Цветные пятна кружились перед глазами все стремительнее, окружающий мир, напротив, поблек. Краска стекала, обнажая уродливое нутро.

«Пожалуйста, – прошептала Уна, – не сейчас».

Золотистый песок осыпался, проявив потрескавшийся ламинат. Волна, отхлынув от берега, обнажила край незаправленной кровати и стол с несвежими остатками еды. Стена леса оборачивалась каменной, прикрытой ободранными обоями.

Волшебный мир исчез, Ирландия осталась – но лишь уродливым осколком. Действие фэйской пыльцы закончилось. Добро пожаловать в реальность, Уна.

В проклятый Кенгьюбери.

Она потеряла руками лицо. С каждым разом возвращение давалось все сложнее.

Уна доплелась до ванной, плеснула в лицо воды. Смотреть в зеркальное отражение не хотелось – слишком разительна будет перемена между ней настоящей и утонченной королевой Благого Двора из вызванных пыльцой иллюзий. Да и чего она там не видела? Очередная невыразительная девушка с невыразительной судьбой и глупыми мечтами, которые все равно никогда не сбудутся.

Сердцевина оставленного на грязной столешнице деревянного медальона ярко сверкала – кто-то пытался ее дозваться. И гадать не стоило, кто. Уна уже опаздывала на работу. Блеклые волосы спешно завязала в хвост, хоть как-то приукрасила лицо макияжем, на стройное тело (главное и, пожалуй, единственное ее достоинство) натянула узкое и максимально открытое красное кожаное платье.

Портал-зеркало ей не потребовалось. Уна жила в Ямах – квартале, печально известном на весь Кенгьюбери. Здесь же находился и клуб «Дьяволицы», и подобные дешевые притоны. В жилых домах обитали люди, которых можно было окрестить одной фразой: «Не повезло». Не повезло найти хорошую работу, родиться в богатой семье, появиться на свет с сильным даром или развить имеющийся, поскольку не нашлось денег на достойных учителей.

К Уне относились все три пункта. Был еще и четвертый – с внешностью не подфартило. Потому она работала в «Дьяволицах», а не в знаменитом «Дурмане», куда, по слухам, нанимали вейл или просто чертовски красивых, искусных и гибких танцовщиц. Ей бы денег на «перекройку» – иллюзора третьей ступени, который бы подкорректировал лицо. Но все заработанное уходило «на прожить»... и на пыльцу, без которой эта самая жизнь становилась просто невыносимой.

Дойл, ее начальник, рвал и метал. Как только Уна вошла в клуб, подлетел и схватил за руку. Уна скосила глаза – останутся синяки, что красоты ей не прибавит.

– Где тебя черти носят? – прошипел Дойл. Жирные щеки тряслись от гнева. – На сцену, живо.

Грубо подтолкнул в направлении двери, за которой скрывались гримерки. Громко сказано, конечно, скорей, это были захламленные подсобки с зеркалами. Пахло дешевыми духами, сидящие в комнате танцовщицы (все ярко накрашены и почти раздеты) вели бессмысленную болтовню. Здесь ни у кого почти не было подруг. Во всяком случае, из клуба. Но объединяло их всех одно – желание увидеть однажды эту мифическую «красивую жизнь».

Уна натянула туфли на нереально высокой платформе. Выбралась на сцену и подошла к шесту под одобрительное улюлюканье потасканного вида мужиков за липкими столиками. Уна знала, как далека от сногшибательной красотки или грациозной танцовщицы, но она умела чувствовать ритм. Большого в «Дьяволицах» не требовалось. А еще она любила музыку, что, как однажды сказал Дойл, «исключительно ее проблема».

Танец закончился, Уна скользнула вниз по шесту под жидкие аплодисменты зала. За кулисами ее ждал Дойл.

– Клиент хочет приватный танец, – сказал он с таким выражением лица, будто недоумевал, зачем кому-то хотеть от Уны подобного. – Шуруй в пятую комнату.

Уна сглотнула. Клиент снял не кабинку со шторкой, а вип-комнату с запирающейся дверью. Это не просто настораживало. Это пугало.

В таких заведениях, как «Дьяволица», персоналом не дорожат. В Ямах в принципе чужая жизнь никого особенно не беспокоит. Никого не волнует, найдут ли тебя наутро в канаве или в злополучной вип-комнате. А такие случаи бывали. За семь лет, что существовал клуб, здесь погибло семь девушек. Их нашли в помещениях, заполненных тэной – следом, который оставался от полуночных чар.

Их убили с помощью полуночной магии, а Трибунал... А что Трибунал? На таких, как Уна, и ей подобных ему наплевать. От Ям даже трибуны старались держаться подальше. Если дела и открыли, то очень быстро замяли, а клуб продолжил существовать.

Уна не глупая, она давно была готова к чему-то подобному. Когда на твоей стороне нет магии, приходится прибегать к доступным средствам. Поэтому Уна надела вынутые из сумки красные кожаные перчатки в тон платью. С небольшим, но очень острым скрытым клинком.

Нервно теребя кончик доходящей до ключицы пряжи, Уна вошла в вип-комнату – чуть более чистую и уединенную, чем остальные. Стоило закрыть за собой дверь, и помещение погрузилось во мрак, разбавляемый одной-единственной тусклой лампой. Попривыкнув к темноте, глаза различили сидящего на стуле мужчину. Черты лица толком не разглядеть. Старательно заглушая дрожь, Уна подошла к нему.

Начала танцевать, но незнакомец ее оборвал:

– Можешь не стараться.

В голосе – сталь и угроза.

Уна бросилась к двери, уже зная, что не успеет. Или не сумеет открыть. Попыталась закричать, но рот оплело что-то, похожее на липкую паутину. За считанные мгновения это что-то склеило губы, и ей оставалось только мычать.

Она развернулась к своему убийце, завела за спину правую руку. Касанием мизинца, едва слышным щелчком высвободила скрытый кинжал.

Незнакомец неторопливо поднялся со стула.

Властный голос сказал:

– Пора накормить моих змей.

Уна почувствовала, как слабеют ноги. Как слабеет решимость защищаться, дать убийце отпор. Даже подумалось: может, он – ее освободитель? Тот, кто подарит ей заслуженный покой?

Но так было ровно до того момента, как незнакомец расстегнул рубашку, а лампа у двери осветила торчащий из его живота клубок змей. Они с шипением высовывали раздвоенные языки, будто пробуя на вкус воздух.

Завизжав (в ее голове это точно звучало как визжание), Уна отскочила назад, но лишь уперлась в закрытую дверь. Одна из змей уже тянулась к своей добыче. А потом, перестав извиваться, сделала резкий рывок. Клыки вонзились в запястье Уны, в месте укуса взорвалась острая, ослепительная боль. Это неожиданно привело ее в чувство. Взмахнув рукой со спрятанным в перчатке клинком, она одним ударом отсекла змее голову.

Незнакомец закричал от страшной боли – тварь оказалась частью его самого. Уна нашла в себе силы оттолкнуть убийцу. Подбежала к окну, дернула за ручку и рванула на себя. Столкнувшись со стеной, стекло осколками осыпалось на подоконник. Они вонзались в колени и ладони, пока Уна выбиралась наружу. Она не замечала боли от порезов, чувствовала лишь ту, что пульсировала в руке. Поняла, что долго бежать так не сможет, скинула туфли на платформе и теперь бежала босиком.

Впервые за все время, что Уна жила в Кенгьюбери, дешевый дом на окраине города показался ей надежным убежищем. Надолго ли? Если Дойл заодно с этим... змеиным незнакомцем, он может выведать у Дьяволиц, где она живет.

Но идти Уне больше некуда.

Боль растекалась по телу, вызывая отчаянное желание забиться в угол душевой кабинки и реветь. Но прежде, чем она смогла добраться до ванной, сознание затуманилось. Секунду спустя Уна обнаружила, что лежит на полу, раскинув руки. Ее затрясло в странной, противостественной лихорадке.

«В моей крови яд!»

Она попыталась нащупать амулет зова. Надо вызвать целителей из Церкви Дану. Говорят, они помогают всем. Но что-то было не так с ее руками и ногами – казалось, Уна перестала ими владеть.

Последнее, что угасающим сознанием видела Уна – резко проступившие под кожей и ставшие зелеными вены на запястьях.

Глава 6

Барон Самеди

Рассчитывать исключительно на Дэмьена и боевых колдунов Дома О'Флаэрти Морриган, конечно, не собиралась. Пусть своим хладнокровием Доминик и походил на кота, у которого в запасе еще девять жизней, он должен как можно дольше оставаться в живых. Потому после короткой передышки она вернулась к делу, а именно – к зеркалу Дома Овенга.

Если учесть раскиданные по всей Ирландии портал-зеркала, неудивительно, что Высокое Собрание выбрало именно зеркала средством связи. Теневой зеркалице Дома О'Флаэрти это очень даже на руку.

Морриган зажгла свечу и поднесла к глазам полуночный осколок истины. В оставленном миром теней знаках она прочла слабый след полуночных чар. Фыркнула: присутствующие на заседании знали, что без них не обошлось. Но в насланных на Грэйинн и ее охрану чарах Морриган не видела отголоска самого мира мертвых. Выходит, тени за спинами охранников были самыми обычными? И ни о какой веретнической магии или магии хаоса, то есть о вызове демонов, речи не шло?

Значит, все-таки вуду?

Но там, в складках Вуали, было что-то еще... Морриган зачерпнула из внутреннего источника еще силы, заставляя огонек свечи разгореться ярче, разгоняя сумрак мира теней. Он являл ей странное... Не знаки – образы. Неясные, словно замыленные лица лежащих рядом людей. Морриган опалила зеркало огнем свечи, но успела лишь увидеть, как безвольно падает чья-то рука. Как кто-то... умирает.

Навеянное силой мира теней видение погасло. Морриган долго вглядывалась в Вуаль, но больше ничего не обнаружила. Нехотя потушила свечу. Самое время навестить главного специалиста Дома О'Флаэрти по вудуистским практикам.

Если бы Морриган получала фунт всякий раз, когда заставляла Ганджу в подвале, она, может, и не обогатилась бы, но на новые шпильки точно бы заработала. Сегодня компанию бокору составила только Саманья. Смуглокожая красавица-мамбо стояла в центре комнаты, у митана², и, прикрыв глаза, монотонно говорила на незнакомом Морриган языке. Гаитянском креольском? Африканс? Ганджу меланхолично раскуривал трубку и изредка поправлял дочь, когда та сбивалась.

Услышав шаги, Саманья резко замолчала. Морриган не имела ничего против – в свои ритуалы посвящать посторонних и она не спешила.

О произошедшем на заседании Ганджу, разумеется, уже знал.

– То, что смерть Грэйинн – дело рук жреца вуду, надо еще доказать, – сказал он хриплым глубоким голосом. – Но выглядит очень похоже. Умелый бокор...

– Вроде вас.

– Вроде меня, – не стал скромничать он. – Способен наслать на жертву чары, которые убьют ее на расстоянии.

– Куколка вуду, – кивнула Морриган.

– Мы этого не практикуем, – меж черных взлет бровей Саманьи появилась неодобрительная складка.

– Охотно верю. Тогда кто? Насколько я помню, в Пропasti, кроме вас, есть еще бокор Векеса...

---

² Митан – столб, символизирующий дорогу, по которой во время обрядов духи спускаются в мир людей.

– Векеса Анен, – подсказал Ганджу. – Адгерент Высокого Дома Маккормак. Не подумай, черноглазая, что я отчаянно пытаюсь обелить собственное имя, но этот напыщенный ублю...

– Я поняла. Вы не слишком-то его жалуете, – со смешком заметила Морриган.

Ганджу глубоко затянулся, выдохнул и лишь потом заговорил.

– В общем, если кто и способен на столь трусливый, нечестивый, грязный поступок, как убийство исподтишка, так это он.

Саманья с сомнением покачала головой.

– Не знаю, пап. Он, конечно, не образец идеала... то есть совершенства, но убийство? Не слишком ли? Он, может, и трус, но для того, чтобы переступить черту, нужна определенная храбрость.

– Деньги способны на многое, милая.

– Вы вообще о чем? – не выдержала Морриган. – Кто такой этот Векеса?

– Кукольник, – выдохнула Саманья. – Куколки вуду – его специализация.

– Как и шарлатанство, – процедил Ганджу.

Морриган вскинула руки.

– Во имя Дану, давайте по порядку.

– Векеса всегда был посредственным бокором в том, что касалось воскрешения. Добрая половина его ритуалов не срабатывала – души навеки застревали в мире теней. Даже я после неуклюжих манипуляций Векесы не мог вернуть их в мир живых. Тогда он решил реализовать себя в чем-то другом. Несколько лет он работал в связке с целителем, делил заработанное на двоих... пока его чудовищные действия не раскрыли.

– Чудовищные дей... Подождите.

Партнерство целителя и бокора, который специализировался на куклах вуду...

– Он мучил людей, так? С помощью куколок заставлял их думать, что они больны...

– Чтобы любое обращение к целителю ни к чему не приводило, – глухим голосом, в котором ощущалась тщательно сдерживаемая ярость, сказала Саманья. – Он выбирал в качестве жертв самые богатые семьи Ирландии, готовые на все, чтобы исцелить родных.

Ганджу сжал плечо дочери.

– Как вы выяснили это?

– Одна неглупая женщина, не слишком сильная, но ведьма, заподозрила неладное. Ее дочь заболела, но проклятия она не обнаружила, как и источника нескончаемых болей. Стоило только целителю поколдовать над ней, и боль исчезала... чтобы спустя несколько дней или даже часов вернуться снова. Я понял, что без колдуна вуду здесь не обошлось. И я бы не стал вмешиваться – что я мог сделать? Но Саманья... – Ганджу со слабой улыбкой покачал головой. – Она приняла все на свой счет.

– Потому что тот, кто творит такое, – грязное пятно на репутации нашего клана, нашей религии! – с жаром воскликнула Саманья.

– Дочка наняла устранителя проблем, чтобы он выследил кукольника. Тогда и состоялось наше первое знакомство с Дэмьеном.

– Но он не колдун, – нахмурилась Морриган. – То есть... не такого рода. Он же берсерк.

– Его задача – находить нужных людей, разве нет? Или пути разрешения проблемы, – заметил Ганджу, выпуская тонкую струйку дыма. – Что он и сделал. Нанял ведьм, знающих путеводные чары, они виновника и нашли. Я даже не удивился, услышав его имя. Та женщина заявила на него в Трибунал. Векесе ничего не оставалось делать, как сбежать в Пропасть. Тут-то мы пару лет спустя и встретились.

Морриган кинула взгляд на Саманью, невольно проникаясь к ней уважением. Выходит, тогда вершительница справедливости была совсем юной.

– Подождите. То есть вы жили...

– Не здесь, да, – торопливо сказала Саманья. – Наверху мы... не прижились.

– Послушайте, я понимаю, как все это выглядит. Понимаю, как вы относитесь к Векесе. Но не слишком ли все очевидно? Подумайте сами: раз вам известно прошлое Векесы, о нем мог прознать любой житель Пропasti. А тут, так удобно, убийство Грэйинн Овенга, виновником которого прямо-таки напрашивается бокор, до сих пор играющий в куклы.

– Не думаю, что такого, как он, остановит обвинение в убийстве. Здесь тебе, черноглазая, не Кенгьюбери. Чтобы правосудие свершилось...

– Вину надо доказать. Причем, самому. Да, я помню.

Морриган в задумчивости покусала губы.

– Я послежу за Домом Маккормак. Вдруг выпадет возможность убедиться, что убийца Грэйинн – именно он. Но есть еще кое-что. Точнее, кое-кто. Когда я искала жреца вуду для воскрешения Клио, Бадб упоминала еще одного бокора...

– Чушь.

Морриган отпрянула от неожиданности – так резко, словно удар хлыста, прозвучал ответ.

– Я никогда не жаловалась на память, – придя в себя, с холодком сказала она. – Бадб, кажется, не называла имени, но...

Ганджу сделал порывистый шаг к ней. Отчеканил, выпуская дым из ноздрей:

– В Пропasti, кроме нас с Векесой, бокоров нет.

– Ага. Так и запишем.

Хмыкнув, Морриган поднялась по лестнице. С облегчением вышла на свет из прокуренного, темного подвала. Подставляя лицо льющемуся из окна свету, прокручивала в голове слова, тон и поведение Ганджу. Ничуть, к слову, не подозрительное.

– Морриган? – раздалось негромкое за спиной. – Нам надо поговорить.

Пожав плечами, она вслед за Саманьей поднялась в библиотеку.

– Насчет третьего бокора, я полагаю?

Жрица вуду остановилась у окна, полубоком к Морриган.

– Что ты знаешь о нем?

– Немногое. Как я и говорила, Бадб не называла его по имени, зато рассказала кое-что занятное. Ходят слухи, что он искажает ритуал воскрешения. Намеренно. Подробностей я не знаю. Расскажешь сама или за информацией мне послать призрачных слухачей Аситу?

– Морфо, – улыбка тронула губы Саманьи. Она тряхнула головой, позволяя косичкам разлететься. – Бокор, да... Его зовут Кофи Бернар. Он был неплохим бокором – хуже папы, конечно, но куда одареннее, чем Векеса Анен. А потом его ритуалы стали проваливаться одним за другим.

Морриган машинально ее поправила, но, увлеченная, Саманья не услышала.

– Души не возвращались в прижизненные тела. А папа и другие бокоры, к которым после Кофи обращались родственники погибшего, и вовсе не могли отыскать души в мире теней.

– Может, в свои чертоги их забирала Дану? – предположила Морриган.

– Это... не такие люди. К тому же была и другая странность. Один бокор из самого Порт-о-Пренс³ прикинулся человеком, которому требовалась помощь, чтобы присутствовать при ритуале Кофи. Он увидел очень странные вева и услышал не менее странные заклинания. Другие бы не поняли. Он – да.

– Поняли что?

– Души, которые его просили спасти, Кофи отдавал Барону Субботе. Самеди.

– Да, я знаю, – рассеянно отозвалась Морриган. Лоа, благодаря которому Клио осталась жива. Вернее, вернулась к жизни. – Темная история. Проведаю и его тоже.

– Я пойду вместе с тобой.

Морриган выгнула бровь. Не «можно ли мне...» или «я хочу пойти», а «я пойду».

---

³ Порт-о-Пренс – столица Республики Гаити, государства, в котором вуду является официальной религией.

– Я работаю одна.

Саманья развела тонкими руками цвета шоколада.

– Работай. Я не буду мешать. Но мне нужно... понять, – жрица вскинула подбородок. – Правда ли то, что о нем говорят. Что он... сумасшедший. Или, хуже того, злодей.

Что-то было в ее лице такое...

– Хорошо. Но сначала проведем Векесу, раз он главный подозреваемый...

Саманья молча смотрела своими глубокими темными глазами.

– Ладно, – сдалась Морриган. – Не знаю, что за дело у тебя к этому Кофи... Заглянем сперва к нему.

Иногда казалось, что Пропасть – молодая женщина, меняющая маски, любящая яркие шоу и театральные представления. Переменчивая, вспыльчивая, страстная девушка со шлейфом духов с ароматом полыни. Та, что не любила тишину и спокойную музыку – только взволнованный гомон чужих голосов. Та, что любила танцевать по ночам и просыпалась только к полудню.

Морриган никогда, наверное, не надоест за ней наблюдать.

По подвесному мосту шел колдун в плаще, сотканном из теней, с венцом в виде обнимающих голову, лишенных плоти скелетоподобных рук. Незнакомец мимолетно улыбнулся – зубы у него были заточены как клыки. Им встретился молодой паренек, оседлавший похожую на грифона птицу, и старая женщина верхом на химере. Девушка с гладко зачесанными в высокий хвост черными волосами вела на цепочке вместо поводка грациозную пантеру с лоснящейся черной шкурой.

Подойдя к нужному дому, Морриган поднесла осколок истины к глазам, чтобы расплести печать на двери... Но ее там не оказалось. Хмурясь, толкнула дверь. Та легко отворилась.

Кофи оказался не таким старым, каким представляла его Морриган. Да, в темных волосах уже пробивалась седина, а лицо избородили морщины, но стариком его язык не поворачивался назвать. Бокор сидел в кресле, подпирая голову обеими руками.

– Саманья? – ахнул он, порывисто поднимаясь. – Как... Что ты?.. Я думал, никогда не увижу ни тебя, ни твоего отца.

Значит, с семьей Ямара они знакомы лично. По реакции Ганджу и его дочери этого следовало ожидать.

– Я не собиралась приходить, но... – Саманья покачала головой. – Я должна была сделать это раньше. Намного раньше. Но боялась... боялась услышать ответ.

– Ответ?

Саманья шагнула вперед, взгляделась в лицо бокора.

– Я так долго вас защищала! Перед теми, кто, как я думала, вас оболгал. Перед родным отцом! Когда он объяснил, из-за чего ваша дружба распалась... я не поверила. Не могла это... осознать. Да, я должна была прийти к вам раньше, и мне жаль, что я этого не сделала. Но кажется, я и сама в конце концов потеряла веру. Скажите мне, что я ошиблась. Скажите, что все эти слухи о вас – вранье. Скажите!

От волнения ее акцент проявился еще сильнее. Она уже почти кричала.

– Мне нечего тебе сказать.

Плечи Саманьи опустились, сгорбились под грузом невидимой ноши.

– Почему вы это делаете, Кофи? Как вы... Как вы могли так поступить?

Он не ответил. Рухнул обратно в кресло, словно разом лишившись сил.

– Вы знаете, что происходит сейчас в Пропастях?

Кофи перевел на Морриган затуманенный взгляд.

– Кто-то убил леди Овенга и ее охранников. Способ, которым это сделали, очень похож на вуду.

– Вы считаете, что убийца – я?

– Если слухи о вас правдивы, многие, я вас уверяю, решат именно так. А если учесть защиту вашего дома или, вернее, ее полное отсутствие...

– За вами придут, – вскинув голову, отчеканила Саманья.

Кофи покачал головой.

– Я не боюсь этого. Я...

Морриган, нахмурившись, озиралась по сторонам. Никакой печати на двери и чар на стенах...

– Вы этого и добиваетесь? – ужаснулась она. – Просто ждете, когда за вами придут, как свинья на бойне?

– Морриган...

– Это что, своеобразное самобичевание? Вы слишком трусливы, чтобы признаться в содеянном или уйти из мира живых, поэтому хотите, чтобы другие вас наказали?

Кофи смотрел на нее устало, почти обреченно.

– Да, я трус. Я даже не знаю, достоин ли смерти. Но если я умру, если окажусь там, за Вуалью, он меня не найдет и больше не сможет использовать, – Бокор закрыл лицо ладонями, с силой провел пальцами по щекам, оставляя на коже красные следы. – Он мучает меня уже несколько месяцев. Он невыносим. Ненасытен. Требует жертву за жертвой, а я... Как я могу ему противостоять? Как, если в мире теней – в той Юдоли, что он отвоевал себе, он держит мою дочь и мою любимую жену? Он обещал истязать их, если я не утолю его голод...

– Проклятье, – ахнула Морриган.

– Он? Кто он, Кофи?

Бокор поднял на Саманью измученные глаза.

– Барон Самеди.

Жрица отшатнулась.

– Что? Нет. Этого не может быть. Барон Самеди не требует жертв... не таких. Он не мучает души и никогда не нисходит до живых.

– Но я видел его! Он говорил вещи, которые могут быть известны лишь Лоа! О моей жене, о нашей дочери... о всей моей прошлой жизни. О том, что, кроме нас троих, неизвестно никому.

– Разве его не нужно призывать ритуалом? – недоумевала Морриган. – Открывать для него врата...

– Барон Самеди – единственный из Лоа, кто может приходиться в мир живых по собственному желанию, – не сводя глаз с Кофи, пояснила Саманья. – Но дело не в этом... Он не может требовать жертвоприношения от людей. К тому же... такого!

– Я видел его, – упрямо повторил бокор. – И вы увидите, если захотите. Он скоро придет. Он всегда приходит по субботам.

– Точно, – нахмурилась Морриган. – Его же называют Бароном Суббота⁴.

Кофи ее не слышал.

– Неважно, принес я плату или нет, он приходит, чтобы напомнить, как я зависим от его воли. В какой-то момент люди перестали ко мне обращаться – репутация много значит. Тогда Барон потребовал, чтобы я искал неприкаянные души в мире теней и приводил к нему. Неделю назад я сказал Барону, что мне нужно время. Что я выжжен изнутри, моя магия выжжена. Но на самом деле... я просто больше так не могу. А когда услышал про леди Овенга, я подумал... Подумал, что меня обвинят. Что за мной придут.

Морриган поймала полный надежды взгляд Саманьи. Кивнула.

– Мы останемся. Что-то здесь нечисто.

---

⁴ Samedi (франц.) – суббота. Во многих традициях и религиях суббота – день поминовения усопших.

Долго ждать не пришлось. Барон Самеди, как утверждал Кофи, появлялся по ночам, и чаще всего – после полуночи. Так случилось и на этот раз.

В скромно обставленном доме Кофи он появился в одеждах похоронных дел мастера – черном костюме и цилиндре, с лицом, разрисованным белой краской. В руках Барон Самеди держал длинную черную трость. Хозяин находился в гостиной, отвлекал гостя разговором, Саманья и Морриган, надежно укрытые полумраком, смотрели на них через щель в приоткрытой двери.

Морриган покачала головой. Энергия истинного Самеди давила бы на нее своей мощью, выжимая воздух из легких, мешая дышать. И не только из-за благоговения перед столь могущественным созданием.

Желая удостовериться, она вскинула полуночный осколок истины к глазам. Так и есть: до боли знакомая (в особенности после свидания с парой дюжин немертвых стражей) энергия.

– Демон, – прошипела Морриган, распахивая дверь.

«Самеди», совсем по-человечески сглотив, отпрянул.

– Не могу только понять... Демон иллюзии?

Фомор фыркнул. То ли демоны иллюзии были выдумкой (будто существующих созданий для мрачных сказок людям было мало), то ли принадлежали к низшим демонам.

Этот явно не принадлежал.

– Или, скорей, демон, – как там сказал Ганджу? – работающий в связке с веретником.

Прижатый к ногтю, фомор лишь ухмыльнулся. Кофи, услышав имя бывшего друга, вздрогнул и с мольбой посмотрел на Саманью.

– Еще одно взаимовыгодное партнерство, – скрежетнула зубами Морриган. Только на этот раз – демона с человеком. Куда, во имя Дану, катится этот мир? – Тебе – очередная душа. Ему – частица твоего растущего могущества. Так?

– Так.

– Но демоны не могут существовать в мире живых в своей истинной форме, – Саманья подалась вперед, будто готовая к схватке черная пантера.

– Не могут, – согласилась Морриган. – Но перед собой я вижу именно демона. А своим глазам я привыкла доверять.

Она обошла фомора по кругу. Тот, кажется, был совсем не против столь пристального внимания к своей персоне. Нападать Морриган не спешила, боялась попросту не справиться – сила в демоне была через край. Однако что-то ее сдерживало, не давало выплеснуться наружу едкой полуночной кислотой.

В зеркало, в котором отражался «Самеди», Морриган прошептала: «Issia eliss». И замерла.

Хотела бы она сказать, что в отражении был человек... но нет, скорей то, что от него осталось. Тонкая оболочка кожи, покрывающая многократно сломанные кости – как на теле, так и на лице. Из носителя, сосуда, что ему достался, демон вылепил человека, наиболее похожего на Барона Самеди с картин, зарисовок и древних свитков.

– А где остальное? – неестественно ровным, почти механическим тоном спросила Морриган.

Демон довольно ощерился.

– Я проглотил. Колдун хотел все большего и все больше мне докучал.

– Ты захватил власть над ним. Над тем, кто призвал тебя в мир живых.

Такое под силу не каждому фомору.

– О, не делай из меня злодея, ведьмочка. Всякий раз, поглощая часть него, я спрашивал, согласен ли он на подобный обмен. И всякий раз он отвечал «да». Я взял его печень, желудок и почки и заполнил пустоты своей силой. Он перестал испытывать боль и раздражающие человеческие потребности. Овладел магией, которую до него не знал ни один из веретников.

Но мы с ним были очень похожи. Ни я, ни он не умели вовремя остановиться. Ни я, ни он не умели довольствоваться малым. Он и не заметил, как от него почти ничего не осталось. Последним я попросил сердце, и, когда поглотил его, он все еще жил. Я не мог видеть его, ведь мы давно стали единым целым, но когда он говорил «да», он, кажется, улыбался. Зачем ему слабое, нежное сердце, если я дарю ему бессмертие?

– Бессмертие? – прохрипел Кофи.

– Он поглотил его душу, – выплюнула Саманья. – То, что делал со всеми этими несчастными людьми.

– Но моя жена, моя дочь...

Фомор махнул рукой.

– Что мне до них? У меня таких – целая Юдоль.

Глядя на искажившееся лицо немолодого бокора, Морриган окончательно потеряла терпение и обрушила на демона рассветную силу. Однако тот, запрокинув голову, лишь издевательски расхохотался.

Вероятно, человеческая оболочка мешала жалящему свету добраться до демонической сущности фомора. Морриган подозревала, что справиться с ним в два счета, как с демоном, присосавшимся к силе Клио, не получится, но должна была попытаться.

Бросившись к нему, схватила за шею. Прошептала заклинание, которым изгоняла застрявших в телах немертвой стражи демонов в мир теней. И... ничего. Фомор отчаянно противился чарам, а после и вовсе отбросил в сторону, прошипев: «Eskies tala». Плечо Морриган встретилось со стеной, но, как ни странно, удар не был таким уж сильным, даже целительного заклинания не потребовалось. Не тот уровень полуночной магии, что ожидаешь увидеть от самого, Балор забери его обратно, демона.

Сощурившись, Морриган поднялась на ноги.

– И это все? Eskies tala!

Что в данном случае означало: «Смотри, как надо».

Ударной волной фомора протащило через всю комнату и трягнуло о стену, как тряпичную куклу. Морриган шагнула к нему, но Кофи неожиданно оказался быстрее. С вызывающей уважение сноровкой подлетел к опрокинутому навзничь демону и простер руки над его телом.

Жрецы вуду (в частности, бокоры) умели не только призывать духов, но и изгонять их вместе с демонами из человеческих тел. Однако сеанс экзорцизма не удался – цель попала слишком несговорчивая.

Кофи, как и Морриган недавно, отшвырнуло в сторону, но сила удара большей не стала.

– Deuht Anaan!

Она знала и это заклинание, что открывало каналы в мир теней, высасывая из жертвы тепло и жизненную силу. Как только Бадб стала ревенантом, она велела Морриган практиковаться на ней. Убить Леди Ворон заклинание все равно бы не смогло, ведь полноценной жизни в ней не осталось, а холод и без того преследовал ее постоянно.

По коже пробежал озноб, учащенное дыхание вырывалось изо рта облачком пара. Голова закружилась, словно Морриган находилась в горах, дыша разреженным воздухом.

И это... все?

– Ты и понятия не имеешь, что такое – быть человеком, – криво усмехаясь, прохрипела она. – Да, у нас слабое, нежное сердце и хрупкое тело. Но ваша воля с нашей не сравнится. Вы вечно стенаете, настолько темна и мрачна ваша обитель, но на наш век, поверь, страданий приходится куда больше. Вот почему мы научились защищаться. От вас, от враждебного мира... друг от друга. Вот почему мы месяцами бьемся над одним-единственным заклинанием. Вы, демоны, лишь сосуды полуночной энергии. Да, мир теней шепчет заклинания вам в уши – те самые, что становятся валютой для фоморов и веретников. Да, ты поглощаешь души, становясь

сильнее, но какой в этом толк? Мало быть носителем силы, нужно понимать, как ее использовать. Так вот я знаю. Deuht Anaan!

Конечно, холод демону был нипочем. Как ни старайся, убить его он не сможет. Но, когда Морриган удавались чары, даже Бадб чувствовала его эффект на себе. То, что заменяло немертвым жизненную энергию, через открытые заклинанием бреши утекало в мир теней. Что для демонов и ревенантов оборачивалось ощущением, будто их терзают на части.

– Давайте вместе! – крикнула Морриган Кофи, пока фомор с отчаянным рыком ногтями раздирал себе горло, пытаясь избавиться от удушающей хватки чар.

И снова ничего не вышло – пускай совместных, но разрозненных сил не хватало, чтобы изгнать проклятого демона туда, где ему и место.

Выпрямившись, Морриган шепнула Саманье:

– Нам с Кофи не хватает силы.

– Но я... – поймав ее взгляд, жрица торопливо кивнула. – Поняла.

И стремительно исчезла во временном портале.

Рассвирепев, демон обрушивал на них все заклинания, что были ему известны. Некоторые Морриган были совершенно незнакомы, что совсем не удивительно: веретникам, колдунам крови и колдунам хаоса полуночные заклинания (те, что назывались тайными словами) нашептывал сам мир теней. Чаще всего, конечно же, демоны.

Однако, как она и говорила, одного лишь знания мало.

Морриган велела Кофи держаться в стороне, принимая удар на себя и парируя атаки фомора теми же заклинаниями, чтобы показать, что такое истинная полуночная магия в умелых, тренированных руках. Она истощала демона, но гораздо быстрее ослабевала сама. Все-таки он, как и Бадб, мог подпитываться энергией, и питал его мир теней. Ей, увы, подобная роскошь недоступна.

В конце концов демон сообразил, что необязательно тратить на врагов собственные силы, если в его распоряжении весь мир мертвых. Произнес заклинание, что притягивало из Юдоли Печали неприкаянные души. Оголодавшие по человеческому теплу, тени набросились на Морриган. И если она еще как-то могла им противостоять, призывая на помощь рассветную магию, Кофи оказался для них слишком уязвим.

Морриган кинулась ему на выручку, но сил оставалось мало. Жилы словно изрешетили гвоздями, и полуночная магия утекала прочь. Сосредоточившись, она переплавилла жизненную энергию в полуночную. Ноги задрожали от усталости, тени глубже впились в нутро.

Призрачная голубая вспышка прорезала пространство.

– Ганджу, – прохрипел Кофи, с бледной улыбкой глядя на старого друга. – Ты пришел.

– Конечно, пришел, – ворчливо отозвался бокор Дома О'Флаэрти.

Морриган, опираясь ладонью на колено, тяжело поднялась. Собрала последние силы, чтобы хрипло прошептать: «Eskies tala».

Демон в человеческой шкуре сполз по стене, с которой только что столкнулся. Морриган едва поборола желание последовать его примеру и прилечь на пол. Саманья бросилась к ней, повесила на шею гри-гри. По телу разлилось приятное тепло. Еще несколько минут, пока не подействовал защитный амулет, в глазах двоилось, но Морриган увидела главное: как Кофи и Ганджу вместе проводят ритуал.

Демон покинул тело колдуна, от которого, впрочем, толком ничего не осталось. Только кожа, сброшенная на пол.

– Поверить не могу... – Кофи, схватившись за сердце, оседал вниз. – Я все время приносил жертвы демону...

– Как вы могли не распознать обман?

– Не все, Морриган, обладают твоими способностями, – прохладно ответила за него Саманья.

– Ты права. Мне жаль, Кофи. Но все уже позади.

Ганджу помог Кофи подняться, ободряюще похлопал по плечу. Саманья собралась в особняк вместе с Морриган, Ганджу остался. Этим двоим точно было о чем друг другу рассказать.

– Спасибо, что помогла во всем разобраться, – проникновенно сказала жрица. – Знаю, у тебя сейчас много других дел...

– Все в порядке, – отозвалась Морриган.

В конце концов, ее охота только началась.

Глава 7

Белое на белом

– Как ты? – мягко спросил Дэмьен.

Клио невольно вздохнула. Что Морриган с Бадб, что Ганджу с Дэмьеном и Саманьей – все относились к ней так, словно она была хрустальной статуэткой. Чуть сильнее порыв ветра – слетит со стола и разобьется на мельчайшие осколки.

Клио была не против заботы о себе – искренней, вызывающей теплоту. Но такое повышенное внимание лишь подчеркивало, насколько она слабее сестры. С чем только той не пришлось столкнуться, чтобы стать охотницей. Жесточайшие тренировки, учебные бои, поначалу больше похожие на побои. Морри никогда не призналась бы в этом, но Клио (иногда по собственной воле, чаще – нет) наблюдала пережитое сестрой в ее снах. Видела Морриган со следами ожесточенной драки на костяшках и скулах, с подсыхающей на одежде кровью, с ранами, целительной магией превращенными в тонкие рубцы. А ведь ей тогда было всего четырнадцать! Но наверняка никому, кроме Клио, и в голову не приходило спрашивать... как она. Все знали, насколько сильна Морриган.

И тут Клио, хрупкий нежный цветок. Ей постоянно приходилось бороться с ощущением, что она разочаровывает собственную семью, что такого громкого имени, как Блэр, недостойна.

Клио с детства знала: такой сильной ведьмой, как Морриган, и уж тем более мать, ей не стать никогда. Она младшая дочь, а значит, ей достались лишь крохи силы легендарной Леди Ворон. Хотя, окажись на ее месте Морриган, с нее случилось бы упрямо засучить рукава и разжечь из тлеющих искорок обжигающее пламя. Вдобавок способности Клио к полуночной магии выдающимися явно не назвать, в чем Бадб пришлось убедиться. Кто же мог подумать, что все это время в ней дремала сила совершенно иного рода...

Быть может, бесталанность Клио в магии – одна из причин, по которой она захотела стать врачом. Стать лучшей в чем-то другом. Хоть в чем-то. Чтобы быть, наконец, достойной. И хотя Клио никогда не замечала разочарования в глазах сестры и видела во взгляде Морри даже больше любви, чем заслуживала, она знала, кто точно разочарован в ней. И всегда будет разочарован.

Мама.

– Клио?

– Прости, – смутилась она. – Я... задумалась. Все хорошо. Правда, хорошо.

Дэмьен еще какое-то время пробыл в комнате, рассказал последние новости Пропasti и даже погладил по перышкам белую голубку. Клио сбивало с толку, что берсерк демонстрировал к ней большую симпатию, чем к Морриган, с которой они были так похожи. В характере, в поведении, во взглядах, в отношении к колдунам-отступникам, с которыми обоим – теперь – приходилось иметь дело. Что-то крылось за всем этим запутанным клубком эмоций и чувств, но что, Клио не знала.

Морриган снова где-то пропадала, Бадб заперлась в кабинете с Домиником. Наверняка продумывали детали плана, согласно которому глава Дома О'Флаэрти получит заветное – трон. Даже Саманья, прекрасная смуглокожая дочь бокора, куда-то отлучилась из дома вместе с Аситу.

Клио казалось, что они, два жреца, два последователя магии вуду, были бы превосходной парой. Саманья, с которой она успела найти общий язык (воскрешения, судя по всему, сблизают), только смеялась и называла ее глупышкой.

Наверное, сказывалась излишняя романтичность, но Клио нравилось мысленно сводить людей друг с другом. Однако уже дважды она ошиблась: сначала – когда думала, что Морриган

будет с Ником, потом – что станет парой Дэмьена. Впрочем, старшая сестра – особый случай, а вот Саманья... Вот что ей мешает ответить Аситу взаимностью?

Клио вздохнула, подумав, что переживает за чужие отношения больше, чем за свои собственные, но шутивная мысль ее смутила. И неважно, что ее одноклассницы в свои «почти семнадцать» уже всюду встречались с парнями. Банальность, конечно, но она к этому пока не готова. Хотя, если подумать, наверное, здорово болтать часами о том, о сем, гулять вечерами под звездным небом, нежно держась за руки, дурачиться и, сидя за столиком в уютном кафе, воровать друг у друга из тарелки кусочки еды.

Жаль, что реальность куда сложнее грез. И ужасно неловко, что у ее личной грезы широкая мальчишеская улыбка, растрепанные волосы и невероятно стильный образ – туфли и черное пальто.

Как бы то ни было, Клио осталась без дружеского плеча (отчаянно надеясь, что Саманья все же находится сейчас на свидании). Чтобы занять время, почитала книгу об анатомии мозга. Однако полчаса спустя поймала себя на ощущении, что теперь, когда она знает, что не станет врачом, чтение медицинской литературы не приносит прежнего удовольствия. Все равно что диабетика смотреть на шоколад.

Расстроившись, Клио отложила книгу. Какое-то время лежала, бездумно глядя в потолок. Драма подкралась незаметно, пленила, затянула в белесое пространство – холст, который кто-то разрисовал красками специально для нее.

Пусть она была отныне снохолицей, ее сны ничем не отличались от тех, что видели обычные люди. Разумеется, только поначалу, пока она не брала над ними контроль. В этом сновидении царил привычный хаос последних проведенных в Пропasti дней. Будучи душой, оторванной от тела и слишком глубоко погружившейся в мир теней, Клио не могла видеть ритуал воскрешения, проведенный бокором Ганджу. Но с той поры она не раз спускалась в подвал вместе с Саманьей и изучила все вудуистские атрибуты, которые они использовали в обрядах.

Они и просочились в ее сны. Свечи, веде на полу, митан – столб, символизирующий дорогу, по которой духи, Лоа, спускались в мир людей. У стены, словно две прекрасные статуи, замерли Морриган и Бадб Блэр.

Клио не хотелось в десятый раз видеть свое нашептанное воображением воскрешение. Не хотела слышать собственный – уже настоящий – крик: «Мои глаза!»

Не хотелось лишней раз вспоминать, как, вернув жизнь, она потеряла зрение.

Потому, положив ладони на затемненную полумраком стену подвала, Клио заставила ее раствориться. Иногда это был крошащийся в руках камень, иногда – пепел, оседающий на пол. Сейчас – дождь.

Камень стал влагой, но логику от сна никто не требовал. Она просто растворила стену и вышла на белый простор.

Клио жила в мире, полном магии, но почти всегда та была или слишком обыденной, бытовой... или слишком жестокой. Нечто действительно восхищающее и восхитительное она недавно наблюдала в обители лесных ведьм. Дивная роща Неметон с исполинскими деревьями, прирученные звери, цветы, распускающиеся под пение лесных ведьм, или призванный ими дождь. Чистые природные чары, столь близкие к понятию «волшебство».

В Пропasti царили иные порядки, да и на улицы подземного города Клио почти не рисковала выходить. Совсем юная рассветная ведьма, она остро ощущала собственную уязвимость в городе искушенных полуночных ведьм и колдунов.

Удивительно, что именно здесь, в мире сновидений, новом для нее, почти неизведанном, Клио так быстро начала ощущать себя... не как дома, нет. Но в месте безопасных чудес, чья магия ей, как оказалось, близка и понятна. Даже если она по неопытности вторгалась в чужой сон, полный когтей и зубов, окутанный тенями или будто порожденный тенью, открывшей охоту на человека... она знала, что легко может оттуда сбежать.

В реальность, подчас гораздо более пугающую: сталью, которую не превратить в воду. Ранами, которые так легко не исчезают. Смертью, которая не заканчивается пробуждением.

Если только не в мире теней.

Там, за пределами недавнего сна, лежали давно уже отснявшиеся. Клио любила блуждать в их странных живых лабиринтах. Словно заброшенная в мемокард или чужую спектрографию, с любопытством смотрела на подзабытые, полустертые из памяти лица – друзей или просто приятелей, которые остались в Кенгьюбери. Они ходили по земле, для нее ставшей небом, даже не зная, что она – там, в глубине.

Мир менялся, стоило только силой воли покинуть отведенный специально для Клио участок царства снов. Там, за пределами ее личной юдоли, лежало все то же бескрайнее пространство – белая пустыня, в которой вместо песка был туман, похожий на облачную вату, а вместо оазисов – осколки чужих сновидений. Быть может, настолько причудливым это место сделало ее собственное воображение. Или же таковым оно было всегда.

Клио шла по белому ничто, лавируя между гигантскими зеркальными осколками, что острыми краями вонзались в «землю». А на гладкой поверхности – чужие кошмары и сны. Порой они затягивали Клио против воли – будто открывалась невидимая воронка, и она оказывалась внутри чужого сна. Порой она сама вмешивалась (хотя честнее сказать, «вторгалась») в самые безобидные из них. Нужно же ей проверять границы собственных возможностей!

И все же делала это редко: сновидения казались Клио чем-то очень личным, даже если открывали перед ней обыкновенный ирландский город или распахнутый для гостей дом. Но там, как в зеркальной шкатулке, таились не предназначенные ее ушам разговоры, смущенные улыбки, поцелуи или жгучие, ядовитые слова.

Какое-то движение привлекло ее внимание. Клио повернула голову. Увидеть белое на белом не всегда просто, но белизна облачения незнакомца была плотней, чем окружающее пространство. Она... выделялась.

Улыбнувшись своим мыслям, Клио направилась вперед. Она никак не могла разглядеть ни лицо незнакомца, ни даже толком – одежду. Только фигуру – мужскую, но худошавую. Кто-то наблюдал за ней – на безопасном расстоянии, лишь изредка выглядывая из-за зеркальных осколков. Наблюдал с того самого момента, как она впервые очутилась в Юдоли Сновидений.

Сначала Клио решила, что он лишь отголосок чужого сна. Потом – что он и есть настыранный сон, отчего-то к ней привязавшийся. Однако для сна незнакомец в белом был чересчур самостоятельным. А еще пугливым. Ответ лежал на поверхности – так, во всяком случае, ей казалось. Ее преследователь, наблюдатель... Он тоже сноходец.

Усилием воли Клио заставила сон растаять. Проснувшись, открыла глаза. Темнота. Стало страшно – на долгое, долгое мгновение. А затем голубка, связанная с ней магическими узами лесных ведьм, почувствовала пробуждение хозяйки и распахнула глаза. В мире Клиодны Блэр зажегся свет.

Взбудораженная, она вскочила с кровати, и белая голубка с прикроватной тумбочки вспорхнула на плечо. Ходила Клио все еще неловко и медленней обычного – трудно привыкнуть, что фокус теперь смещен на правую сторону.

Спускаясь по лестнице, она скользила руками по перилам. Саманы еще не было, но в дом вернулась Морриган. Клио едва не подпрыгивала от нетерпения, пока сестра пересекала гостиную. И все же внутри затаилась какая-то опаска. Как Морриган отреагирует на ее слова? – Хороший сон? – улыбнулась та, снимая с пояса плеть-молнию.

Им обоим не нравилось, что Доминик заставляет Морриган носить костюм охотницы. И если Клио лишь неодобрительно морщила нос, легко представить, что происходило в душе сестры, вынужденной подчиняться чужим приказам. Не зря однажды она выбрала роль наемницы. Да, выполняющей заказы Трибунала, но идущей своим собственным путем.

А сейчас Морриган раз за разом вынуждена переступать через свою гордость. И все – из-за сделки с Домиником. Все – ради нее, младшей сестры. Клио снова почувствовала укол вины, даже зная, что в собственной смерти (и в ее последствиях) она, в общем-то, не виновата.

– Нет. Не совсем. Скорее, пища для размышлений.

– О, тебе только дай волю поразмышлять, – рассмеялась Морриган.

– Это касается моего дара.

Сестра сразу же посерьезнела. Опустившись на софу, положила ногу на ногу и вперила в Клио внимательный взгляд.

– Что-то со снами?

– Да. Точнее, с тем, кого я вижу в них.

Клио рассказала Морриган о преследующем ее таинственном незнакомце.

– Ведающая Мать говорит, сноходцы довольно редки. Сноходчеству можно научиться, но мало кто согласится на такое. Кому захочется тратить столько времени на сны? Большинство тех, кто обращается к рассветной магии, изучают целительство или магию истины – как те же ведуньи, сивиллы или чтицы.

– Или охранные чары, которые можно выгодно продать.

Клио кивнула.

– Но случается так, что у кого-то просыпается дар сноходчества. Или любой другой. Просто предрасположенность к какой-либо ветви магии. Как у меня. Веда говорит...

– А ты много времени с ней проводишь, – заметила Морриган.

Уголки губ Клио дрогнули. Неужели это сестринская ревность?

– Не в ущерб проведенному времени с тобой. Я встречаюсь с ней во снах.

Морриган рассмеялась, словно говоря: «Принимается».

– Так вот, по словам Ведающей Матери, предрасположенность к сноходчеству, как и к другим редким магическим практикам, чаще всего передается по наследству.

Сестра резко выпрямилась на софе.

– Хочешь сказать...

– Морри, все совпадает! К тебе от Бадб перешел дар зеркалицы и незаурядные способности в полуночной магии. Я же... – Клио настолько разволновалась, что не смогла закончить фразу с первого раза. – Я могла стать сноходицей потому, что сноходцем был мой отец.

– Вполне возможно, – поразмыслив, кивнула Морриган. – Впрочем, легко строить предположения, когда не знаешь о человеке ровным счетом... ничего.

– Да, но это еще не все, – Клио осторожно подбирала слова, глазами голубки вглядываясь в лицо сестры. – Я подумала... Тот человек в моих снах... Что, если это он?

Взгляд Морриган наполнился сочувствием.

– Клио...

– Нет, ты только подумай, все сходится! Дар во мне точно не от мамы: она полуночная, а дар рассветный, – она понимала, что говорит очевидное, но переполняющее ее волнение выплескивалось через край. – Мама никогда даже не упоминает отца. Что, если это потому, что он был рассветным, а она не сумела это принять?

– Слишком много «если», – мягко сказала Морриган, но Клио была слишком поглощена собственной идеей, чтобы прислушаться.

– А человек из моих снов... Он точно сноходец.

– Дар сноходчества редкий, но не уникальный. Это может быть сноходец, впервые, как и ты, встретивший человека, который обладает подобным даром. Ты сама сказала – он наблюдает, но не приближается.

– Но...

Морриган, подойдя к Клио, нежно взяла ее за понуро опустившиеся плечи.

– Родная, я понимаю, что даже спустя годы ты все еще хочешь найти отца. Да и я... хотела, пускай и по другой причине.

– Чтобы докопаться до истины, – буркнула Клио.

Сестра рассмеялась.

– Твоя правда. Я с детства ищу ее в зеркалах, а про собственного отца ничего не знаю. Но даже мне пришлось признать: иногда прошлое должно оставаться в прошлом. Если бы наш отец был жив, он бы нас нашел. А если он жив и не сделал этого... Я не хочу называть отцом того, кто и знать нас не хочет. Я уважаю твое желание, но не стоит искать отца в каждом странном незнакомце, – придав голосу суровые нотки, добавила: – К тому же это чревато последствиями. Лучше держись от того сноходца подальше.

– Если бы он хотел причинить мне вред, он бы уже это сделал, – заметила Клио. – Да и что плохого можно сделать с человеком во сне?

– Понятия не имею, – призналась Морриган.

Клио улыбнулась.

– И все равно за меня переживаешь.

Морриган нажала на кончик ее носа.

– Это мой сестринский долг.

Задумчиво жуя губу, Клио смотрела, как сестра поднимается по лестнице. Она не обладала ведьминской интуицией, на владении которой с детства гордо настаивала Морриган. Быть может, все, что у нее есть, – это призрачная, хрупкая надежда. Но Клио верила, что там, во снах, ее нашел отец.

Это он. Ее отец наблюдает за ней.

Глава 8

Токи полуночной силы

В отличие от Высоких Домов, участвующих в гонке, Дома отказников охотно принимали посторонних. Хотя и здесь существовал определенный риск. Кандидаты могли прибегнуть к шантажу или прямой угрозе жизни кого-то из членов Дома, что сводило выгодное положение отказников на нет. Как выторговать лучшие варианты, когда приходится думать лишь о спасении собственной жизни (или репутации)?

В Доме Бакли Морриган ожидаемо встретили боевые колдуны. Стоя в просторной гостиной в окружении четырех настороженных мужчин, она ждала, когда к ней спустится леди Бакли.

Терять время даром Морриган не любила. Ждать ненавидела вдвойне. А потому принялась оценивать обстановку... Точнее, искать источник силы, который, благодаря полуночному осколку, заприметила еще с улицы.

Первичный осмотр показал: в дополнительной силе, то есть в протекции Дома О'Флаэрти, Дом Бакли вряд ли нуждается. Четыре боевых колдуна – уже немало, хотя степень их мастерства Морриган не могла определить. Но главное, стены особняка окутаны плотной защитой, да еще и порожденной... полуночной магией. В свою бытность охотницей она встречала и печати на крови, и обычные полуночные, но защита, коконом укрывающая дом, обычно принадлежала магии рассветной: все-таки любые щиты (как ментальные, так и физические) – ее прерогатива.

Однако леди Бакли то ли была слишком предана своему клану, то ли считала рассветные чары слишком ненадежными... Как бы то ни было, у магии ее стен был черный цвет, а дом тонул в дымчатом облаке тэны.

Хотя и это не все. Не зря особняк семьи Бакли привлек внимание Морриган еще снаружи. Вглядываясь в отражение реальности в мире теней, она заметила одну странность. *Защитные полуночные чары* (абсурд, конечно, но как назвать их иначе, она не знала) предстали ее глазам не в виде сотканых из колдовской энергии сот, или чешуек, плотно подогнанных друг к другу, или печатей, от которых лучами в стороны расходилась защитная энергия, напоминающая решетки надежной клетки... а в виде переплетения темных нитей, ведущих куда-то вглубь дома.

Вся эта колдовская конструкция напоминала скелет животного, возвращенного некромагом к жизни. Штукатурка – кожа, камень стен – поистончившаяся плоть, полуночные нити – ребра. И в глубине тела глухо бьется сердце. Источник силы. Колдовской исток.

Увы, обнаружить его Морриган не удалось. Охранникам леди Бакли почему-то не пришла по вкусу ее идея – разглядывать окружающее пространство под своеобразной лупой полуночного осколка истины. Скривившись, она спрятала его в крохотную поясную сумочку, где лежал рассветный осколок и свеча. А еще – пилочка для ногтей. Нет, это не какое-то хитрое оружие. Таковым Морриган служили чары и висящая на поясе плеть-молния. Просто она терпеть не могла неухоженные ногти.

Алиша оказалась холеной белокожей женщиной со светло-рыжими волнистыми волосами. Хотя и рыжая, точно не ирландка, но ее национальность Морриган разгадать не смогла. Леди Бакли не назвать красавицей, но в ней присутствовал некий шарм, которого не мог передать мемокард и едва ли не любая, кроме самой удачной, спектрография. Этот неуловимый шарм переводил ее из разряда «такие, как все» в разряд «в ней есть что-то интересное». На Алише было строгое черное платье до колен с высоким воротом. Тот случай, когда ведьма стремится всеми силами подчеркнуть в своем облике ветвь магии, которой принадлежит.

Вместе с леди Бакли со второго этажа спустился долговязый вихрастый юноша – ее сын, чье имя Морриган запомнила. Все равно и противник, и союзник из него никакой.

– Морриган из Дома О'Флаэрти, – несколько официально представилась она.

– Вижу, – без тени улыбки отозвалась Алиша, смерив взглядом белоснежный кожаный костюм.

Не дожидаясь разрешения, Морриган уселась в кресло. Удобная позиция: четверо из шести присутствующих в комнате людей – перед ее глазами. А значит, она могла наблюдать и делать выводы.

Алиша подошла к креслу напротив, на время загородив гостью от бульдожьих взглядов охранников. Морриган стремительно вскинула к глазам руку с зажатым в ней осколком истины. И едва не присвистнула от удивления. Пульсирующим темным сердцем дома являлась леди Бакли. По нитям, ведущим от нее к стенам, струились токи полуночной энергии.

Морриган впервые за всю свою жизнь видела нечто одновременно столь жуткое и в какой-то степени гениальное. Устойчивыми узлами колдуны обычно связывали себя с кем-то из родных и близких. Стоило ли говорить, что энергия, которая «текла по проводам», обычно была рассветной? Подобным образом, правда, с применением жизненной силы вместо рассветности, Морриган не так давно хотела связать себя с сестрой, чтобы избавить Клио от шлейфа окружающей ее тэны.

Нити полуночной энергии пульсировали вместе с леди Бакли. Окружающий дом защитный кокон буквально выкачивал из нее колдовскую силу. Однако не все нити вели к ней. Одни тянулись к боевым колдунам и сыну Дома Бакли, другие – куда-то вверх. Быть может, в спальни.

– Уверены, что это разумно? – вырвалось у Морриган.

Алиша, которая только устроилась в кресле напротив, вопросительно вскинула бровь.

– Вы вытягиваете жизненную силу из всех членов и адгерентов Дома и питаете ею стены. Причем, явно достигая границы, за которой начинается опустошение.

На Алишу умозаключение должного впечатления не произвело. А жаль – Морриган считала, что достойна хотя бы удивленного или уважительного взгляда. Впрочем, она получила заслуженное от сына леди Бакли и ее охранников и вдоволь насладились произведенным эффектом. Алиша лишь с вызовом приподняла подбородок. Морриган хорошо знала этот взгляд – часто наблюдала его в зеркале. Что-то вроде поднятого щита, за которым последует уход в глухую защиту.

Сын Высокого Дома Бакли устроился на подлокотнике кресла, хотя в гостиной хватало сидячих мест. Если верить данным с мемокарда, у Алиши еще были две дочери, которые сейчас где-то пропадали. Судя по нитям, тянущимся вдоль перил лестницы, как раз таки наверху. Часть генетического колдовского резерва распределилась между ними, брату достался лишь жалкий остаток. Во-первых, потому что младший в семье. Во-вторых, потому что сын, а не дочь. Будь его отец сильным колдуном, юный Бакли мог унаследовать едва ли не всю его силу, но сделанные Морриган записи говорили об обратном.

Поняв, что выпад подействовал на Алишу не так, как хотелось бы, она поспешно изменила стратегию.

– Бросьте так на меня смотреть, я не осуждаю ваши действия. Я собираюсь предложить вам то, что изменит вашу жизнь к лучшему. Разумеется, в обмен на ваш голос.

Они обе это понимали. Морриган, уже не таясь, взглянула на стены через полуночный осколок и в непритворном восхищении покачала головой. Она знала колдунов, которые для личной защиты использовали не рассветную силу, собранную из окружающего пространства, а свою жизненную энергию. Бакли же вытягивала жизненную силу из собственного тела, как если бы сделала саму себя мишенью для разрушительных полуночных чар, нацелила бы их не на врагов, а внутрь себя.

Вытянутую энергию Алиша направляла на стены. Результатом определенно оригинальных чар стало то, что у дома появилась живая магическая оболочка. Умно, но... выматывающе.

– Подход, должна сказать, нетривиальный, – озвучила Морриган собственные мысли. – От того же Адифа Адае и других колдунов, предпочитающих любовое нападение, защититься вы сумеете. Но одновременно с этим вы сильно ослабляете себя.

– Знаю, – ледяная корочка вокруг Алиши слегка подтаяла.

– Раз ваш Дом посвятил свою жизнь полуночной магии, почему бы не нанять кого-то из рассветных ведьм или колдунов?

Алиша со смешком откинулась на спинку кресла. Расслабленность, проявившаяся в ее позе, – хороший знак.

– Думаете, будь все так просто, я бы продолжала мучить себя и свою семью, выжигая наши колдовские силы? Во время гонки за трон рассветные ценятся на вес золота. В Пропастях их немного, и они нарасхват, а заманивать сюда колдунов из Верхних городов запрещено регентским советом – сейчас как никогда высока угроза, что о Пропастях узнают те... кому не положено знать.

Морриган задумчиво сощурилась.

– Один из адгерентов Дома О'Флаэрти – рассветная ведьма Ада, которая всецело предана нашему лорду.

Она успела выяснить об Аде немного, но уже поняла – та на редкость принципиальна. Тот же Дэмьен избородил не только Пропасть и Кенгьюбери, но и другие города Ирландии, предоставляя клиентам различные (и весьма дорогостоящие) услуги. Он отказался примыкать к Дому О'Флаэрти в качестве адгерента, то есть полноценного и постоянного союзника. Вместо этого, стремясь сохранить свою независимость, подписал с Домиником контракт.

Контракты были популярны и среди боевых колдунов, которые часто кочевали из одного Высокого Дома в другой. Ада же примкнула к О'Флаэрти в тринадцать и до сих пор, шесть лет спустя, там и оставалась. Для переменчивой и непостоянной, как барышня-нимфоманка, Пропастей это большой срок.

Ада – отступница не по призванию, а по крови. Мать, которую она никогда не видела (точнее, не смогла запомнить), бросила ее сразу после родов. Отец, теневой колдун средней руки, благодаря влиятельным друзьям сумел вместе с дочерью скрыться от Трибунала в Пропастях. Прожил он здесь недолго – влиятельные друзья за какую-то провинность его и убили. Окруженная огромным количеством полуночных ведьм и колдунов, Ада упрямо учила лишь рассветную магию – в память о матери, которую никогда не знала.

Морриган подозревала, что в Доминике Ада видела своего потерянного отца. Одна из причин, почему она настолько ему предана.

Ада – странная девушка, замкнутая и молчаливая, но, несомненно, талантливая. Одно то, какой степени мастерства она достигла, не имея за спиной именитых наставников, о многом говорило. Стены особняка О'Флаэрти окутывали ее защитные чары – надежные, но тонкие и изящные, будто плетение серебряной цепочки.

– Если Доминик станет королем, в чем вы ему поможете, Ада сделает все возможное, чтобы защитить стены вашего дома без вреда для вас и вашей семьи. А способности у нее невероятные.

Ада может заартачиться, когда поймет, что нужно помогать другому Дому, но если ее попросит Доминик... Ради него она сделает что угодно.

Побарабанив короткими ногтями по подлокотнику кресла, Алиша нервно куснула губу. Этого мимолетного жеста хватило, чтобы выдать, насколько соблазнительно для нее предложение Морриган.

Достаточно мельком взглянуть на мемокарды (или на леди Бакли и ее сына вблизи), чтобы заметить, как бледны члены Высокого Дома. Ни блеска в глазах, ни здорового румянца.

В этом они чем-то походили на веретников – с той лишь разницей, что из последних энергию высасывали фоморы, а Алиша перенаправляла силу на защиту родных стен. Что означало постоянные хвори, изможденность и быструю утомляемость: встаешь с постели, и у тебя кружится голова, а ближе к вечеру и вовсе хочется лежать пластом и не шевелиться. Ужасно, наверное, постоянно так жить. Хотя и почти безопасно.

Вот она, Пропать во всей красе. С первого взгляда – рай для отступников, возможность творить полуночную магию, не страшись всевидящего ока Трибунала. А на деле – постоянная гонка. Если не за корону, то за выживание.

Морриган могла бы на этом успокоиться. Дело сделано, уязвимость обнаружена, предложение озвучено, но... Неизвестно, сколько претендентов на корону или их адгерентов побывают здесь и как много соблазнительных услуг предложат леди Бакли за голос.

Надо дожимать – до тех пор, пока давить уже будет некуда.

Морриган окинула взглядом присутствующих, оживляя в памяти лица дочерей Алиши. Юный Бакли, пожалуй, был самым бледным из всей семьи. Неудивительно – он и слишком юн, и чересчур слаб из-за крох перепавшей от матери колдовской силы. Однако было что-то еще, незаметное невооруженным глазом, но заставившее Морриган насторожиться.

– Не возражаете? – спросила она, через полуночный осколок изучая сына Алиши.

– Вообще-то...

– Тс-с-с.

Алиша, оторопев, замолчала.

Приглядевшись к юному Бакли, Морриган поняла свою ошибку. Его не окружала тэна, не опутывали нити диковинных чар, просто он слишком близко находился к матери. А значит, был единственным в комнате, из кого Алиша не высасывала жизненную силу.

Заподозрив неладное, Морриган поднесла к глазам рассветный осколок истины. Ей бы чуть больше познаний в рассветной (особенно, целительной) магии, и она поняла бы, что именно не так с сыном леди Бакли. А так могла сказать только одно: юноша страдал от последствий хитроумных чар матери, которые для него, вероятно, обернулись хроническими болезнями.

Организм здорового человека в отражении рассветного осколка истины предстал в виде слаженной системы, прочной цепи, в которой все звенья крепки и сплетены друг с другом. В его же случае некоторые звенья оказались сломаны, а на месте недостающих клубилась пугающая темнота.

Да, судя по тому, что видела Морриган, Алиша перестала истязать сына полуночными чарами. Но было уже поздно.

– Наш Дом поддерживает связь с целительницей Орлой.

Та слыла сильной ведьмой, пусть вернуть зрение Клио и не сумела. Что ж, способности даже лучших из ведьм далеко не безграничны. Возможно, это была ее единственная осечка, о которой Алише, впрочем, знать не обязательно.

– От последствий ваших чар она не оставит и следа... Лишь неприятные воспоминания о времени, когда приходилось к ним прибегать.

Юный Бакли с надеждой взглянул на мать. Алиша поерзала в кресле. Чаша незримых весов с выгравированным на ней именем Доминика О'Флаэрти уже клонилась к земле под натиском метких ударов Морриган. Однако она ничего и никогда не делала вполнину. И уходить пока не собиралась.

– Вы никогда не рассматривали для сына возможность жить в Кенгьюбери?

Практически выстрел вхолостую. Предположение, догадка, идея... как оказалась, созвучная с мыслями Алиши.

– Как вы?.. Почему?..

Нестройные фразы и удивленные (запоздало, но заслуженно) глаза леди Бакли дали понять: Морриган на верном пути. Утаивать логическую цепочку, которая привела ее к этой мысли, она не стала. Здесь, в Пропasti, в царстве магии и лжи, прямота – редкостное сокровище. Прямо-таки алмаз среди грубых стекляшек.

– Вы рассуждали о том, о чем многие даже не заикаются, – о приглашенных в Пропасть рассветных ведьмах. Я нахожусь здесь не так давно, но успела заметить: у многих отступников сама мысль о пересечении с Верхними городами вызывает отторжение. Нетрудно догадаться, что это напрямую связано с извечным противостоянием рассветных и полуночных колдунов – адептов вседозволенности и приверженцев строгого следования законам. Вы же рассматриваете эту идею как возможность – трезво, отстраненно. А значит, Верхний город вам, в отличие от здешнего большинства, не ненавистен. Плюс ваш сын...

– Мэтью, – тихо подсказал он, уловив заминку.

– Плюс Мэтью – ваш третий ребенок, почти не унаследовавший от вас силу. Он не колдун и вряд ли когда-нибудь им станет. Вы любите его...

– Конечно, люблю, – недоуменно нахмурилась Алиша. – Как можно не любить собственное дитя?

У Морриган давно уже была заготовлена лекция на тему многообразия материнской любви. Но она рассудила, что сейчас для нее не время и не место.

– Вы желаете Мэтью лучшего. И это лучшее может ждать его не здесь, где для сильных колдунов он – легкая мишень. Да и будущего в Пропasti у простых людей нет. Либо находиться в тени магически одаренных родственников и заниматься ничегонеделанием, либо быть слугами у тех же магически одаренных... но уже чужих.

На какое-то время воцарилось молчание, нарушаемое лишь откашливанием одного из боевых колдунов. Он честно отработывал жалование, отдавая жизненную энергию на защиту Дома. И судя по всему, мучаясь больным горлом.

– Я хочу быть ученым, – тихо признался Мэтью.

Неожиданно. Очень мило. Он, как и Клио до всей истории с зеркалами, оказался приверженцем старых традиций. Однако наука в Пропasti не в чести. Ей почти нет места там, где царит магия.

– Доминик оплатит твоё обучение, – соблазняла Морриган. – А кое-кто из нашего Дома знает тайные ходы в Пропасть. Ты сможешь иногда навещать мать.

Она не дарила напрасных надежд и лживых обещаний. Как представитель Дома О'Флаэрти, она давала возможность. Победив, Доминик будет обязан исполнить все, что обещал. Фундамент Пропasti – сделки. Контракты. Нерушимые договорные обязательства. Жаль, подобная схема неприменима к политикам Верхних городов.

Взгляд Мэтью, брошенный на мать, не требовал никаких разъяснений. Алиша закрыла глаза. Морриган поняла, что победила, а слова леди Бакли стали своеобразной подписью.

– Я отменю встречи с другими кандидатами. Мой голос – ваш. Я отдаю его Высокому Дому О'Флаэрти.

Глава 9

Пари

Запоздало спустившись к завтраку, Морриган стала свидетельницей чудной картины. За длинным столом собрались: Доминик с недавно вернувшейся из мира теней Бадб, Ада, Дэмьен и Клио с Саманьей. Они походили на большую и на редкость странную семью. Накручивая шелковистый черный локон на палец, Леди Ворон беседовала с Домиником (личи не чувствовали голода, потому ел только глава Дома), дочка бокора, Клио и Ада что-то оживленно обсуждали. Молчал только Дэмьен, думая о своем и довольно активно опустошая тарелку. Похоже, ему не требовалась компания или чье-то внимание. Он просто хотел есть.

И все же ведьминская интуиция твердила: что-то не так. В воздухе стусилось напряжение. Неторопливо спускаясь по лестнице, Морриган скользила взглядами по лорду и адгерентам Дома О'Флаэрти. И по Дэмьену.

По лицу Доминика, как всегда, ничего не поймешь, Бадб меняла маски, как актриса театра, – никогда не знаешь, какой из них стоит доверять. Берсерк хмурился – ничего, впрочем, нового, а вот растрепанная прическа сидящей рядом Ады о многом говорила. Что же так взбудоражило ведьму-защитницу, если она в преддверии встречи с Дэмьеном даже толком не причесалась?

– Та-ак, – протянула Морриган. – Что случилось?

– Новое убийство, – глядя на нее оленьими глазами, сообщила Ада.

– Уже? Снова вуду?

Саманья и Клио переглянулись.

– Нет.

Пока Морриган наполняла тарелку, стараясь как можно меньше встречаться взглядом с Дэмьеном, ведьмочки Дома О'Флаэрти наперебой спешили посвятить ее в курс дела. Оказалось, беда пришла не со стороны живых, а со стороны мертвых.

У Дома О'Райли имелись обширные владения, часть которых отвели под фамильный склеп – сразу после того, как королева Агнес Фитцджеральд издала распоряжение, что отныне любой покойник с кладбищ Пропasti может быть поднят и призван в немертвую стражу. Лорд О'Райли был одним из тех, кто считал затею королевы бесчеловечной. Он не желал впускать демонов в тела родных и близких, навеки ушедших в мир теней.

Даже во благо своего города.

Проснувшись однажды, О'Райли обнаружил, что его давний кошмар ожил. Точней, ожили похороненные в фамильном склепе родственники. Вот только былой жизни и проблесков разума в их глазах больше не наблюдалось.

– Моя знакомая, Эмма, – адгерент Дома О'Райли, – тихо сказала Ада, комкая тоненькими пальцами салфетку. – То есть была им. Она связалась со мной по амулету зова и... Так уж вышло, я узнала обо всем первой. Эмма говорила, никогда не видела такого тупого, отсутствующего... *мертвого* выражения в чьих-то глазах.

Морриган кивала в такт словам Ады.

– Зомби лишены разума и воли. Не то что личи.

Ада испуганно покосилась на Бадб, но та лишь лениво усмехнулась. Сравнение, как-никак, в ее пользу.

Воскрешенные умелым некромагом зомби могли стать в руках колдуна опасным оружием. Что, вероятно, и случилось. Дедушка лорда О'Райли перерезал горло внука его же клинком. Жена лорда стала следующей. За ней – двое ее сыновей. Адгерентов никто из восставших мертвецов не тронул. Уничтожив Высокий Дом О'Райли, они просто рухнули на землю. И больше не поднялись.

Пока Ада рассказывала, Морриган смотрела на Дэмьена. Ее почти восхищал аппетит, с которым он уминал уже вторую тарелку колканнона⁵ под аккомпанемент историй о поднятых из могил мертвецах и кровавых расправах.

– Сложные чары, – заметила она, с усилием отводя взгляд. – Не просто поднять зомби, но и вложить в него определенную установку. Дать ему цель. А еще – необходимую для убийства силу.

– Так ведь и Адиф Адае не полнейшая бездарность, – пожал плечами, заметил Доминик.

– Считаете, это все-таки он?

– Он не единственный некромаг в Пропастях, но единственный, обладающий столь впечатляющей силой... и вдобавок претендующий на трон.

– Да и то, что Эмма перешла под его крыло, весьма красноречиво, – обронила Бадб, рассеянно водя кончиками пальцев по ладони Доминика.

– Эмма что сделала? – Морриган вскинула брови.

– О'Райли – не очень хороший человек, – негромко сказала Ада.

Морриган сдержала усмешку. Какая милая формулировка, особенно для Пропастей. Подобное можно услышать, наверное, лишь от двух человек: Ады и Клио.

– Он брал в адгеренты тех, от кого отказывались остальные. Покупал их... услуги за дешево. А потом издевался. Унижал. Поднимал руку. Когда был не в духе, кричал, что они никому не нужны, а если будут и дальше его раздражать, окажутся на улице.

– А, это же он вопил, что в смерти Грэйинн Овенга виновны мы? – вспомнила Морриган.

– И захлебнулся своими словами, – сыто улыбнулась Бадб.

Морриган откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. К еде она так и не приоткрылась.

– То есть велика вероятность, что Адиф не только избавился от претендента на трон из Дома О'Райли, но и заполучил... Кем была Эмма?

– Ведьмой хаоса. Не очень умелой, что и она сама признавала. Но с ней в Дом Адае перешли еще трое боевых колдунов и одна ведьма крови.

– Недурно, – пробормотала Морриган.

– Не мы одни, к слову, сочли Адифа Адае виновным, – сообщил Доминик, промокнув салфеткой губы. – Несколько Домов обвинили его в смерти леди Овенга.

– Стойте, ее же убило вуду.

– Адифа Адае и Векесу Анена незадолго до случившегося видели вместе, а теперь последний и вовсе исчез, – сообщил Дэмьен, отставляя в сторону тарелку.

Вот кто точно насытился. Аж решил наконец заговорить.

Морриган кивнула – подобраться к Векесе она так и не смогла. Теперь ясно, почему.

– Кто-то из его заступников настаивал на том, что Адае просто решил отточить мастерство смерти, в чем Векеса Анен, по слухам, на редкость силен, – продолжал берсерк.

Морриган спрятала улыбку, подумав о Ганджу. Он бы поспорил с последним утверждением. Что ж, вероятно, кукольник умел пускать пыль в глаза.

– Не вовремя, – заметила она.

– Не то слово. В ответ на обвинения Адае выставил перед домом своих мертвых куколок. Простоять так могут хоть полвека. И вряд ли будут ласковы к тем, кто решится сунуться в дом семьи Адае.

Клио, тихая, как мышка, следила за разговором. Саманья молчала тоже, но на ее лице читался неприкрытый интерес. Она редко говорила в присутствии Морриган (не считая,

---

⁵ Колканнон – традиционное блюдо, популярное в Ирландии; готовится из картофельного пюре и кудрявой или белокочанной капусты.

конечно, их недавнего приключения). Однако стоило пройти мимо комнаты Клио, едва ли не каждый раз из приоткрытой двери доносился голос жрицы, журчащий, словно ручеек.

– Как нам защититься в случае его атаки? – осведомился Доминик. Спрашивал он не у Морриган, которая тоже была сведуща в чарах, касающихся мира теней. Вопрос, что совсем не удивительно, лорд адресовал Леди Ворон.

– Вы исходите из того, что Адиф – убийца, – не вытерпела Морриган. – Но что, если это не так? Не всегда то, что на поверхности, – истинно.

Не зря ведь она так часто ищет истину в тайных знаках, туманно-дымчатых складках мира мертвых и зеркалах.

– Морриган уже зарекомендовала себя прекрасным проводником неуспокоенных в мире теней, – в интонациях Бадб угадывалась тонкая насмешка. – Если немертвые вздумают напасть на наш Дом, она отправит их обратно в мир мертвых.

– Во-первых, это не так-то просто, – поморщилась Морриган. – Во-вторых, еще раз: я изгоняла из мертвых тел фоморов, которые сами жаждали вернуться обратно в мир теней. Они кукловода лишились, понимаешь, мама? А хозяин мертвых куколок Адифа до сих пор жив. И он запрограммировал их на определенные действия. В их разложившихся мозгах для самоволия и собственных желаний места не осталось.

Бадб лишь повела изящными оголенными плечами, словно говоря, что детали ей малоинтересны. Перебарывая внутренний протест, Морриган обратилась к Доминику:

– Вы действительно хотите, чтобы я сидела в особняке и защищала вас, как сторожевой пес? Ох, простите, хотела сказать – ваши боевые колдуны?

– Не оскорбляя других, жить ты не можешь, да? – пробормотал Дэмьен.

Он поднялся, разминая ноги, словно сидеть без движения несколько минут для него – суровая пытка. Стоял теперь, облокотившись на спинку стула, на котором сидела Клио с голубкой на плече.

– Где именно в моих словах ты нашел оскорбление? Я лишь называю вещи своими именами. Этот путь боевые колдуны избрали сами.

– Этот путь ничем не хуже любого другого. Например, пути ведьмы, которая не может определиться, рассветная она или полуночная.

Сказал беззлобно, с фирменной полуусмешкой, но... все равно задел. Однако Морриган не была бы собой, если бы показала ему это. Она чуть приподняла подбородок, с достоинством глядя на Дэмьена снизу вверх. Вкрадчиво сказала:

– Я всегда снимаю самые сливки.

Бадб одобрительно рассмеялась. Берсерк скривился так, будто съел лимон.

Морриган не собиралась открывать перед ним душу. Делиться тем, что ее тревожило. Что она, в четырнадцать лет сбежав от полуночной магии, раз за разом возвращалась к ней.

А ушла потому, что не хотела становиться похожей на мать. Идти по головам, упиваясь бурлящей в венах темной силой. Желать призвать ее снова и снова.

Быть рассветной ведьмой в Пропasti, где тебя всюду окружают сильные враги, и без того непросто. Особенно, если ты потомственная полуночница. Умелая, в конце концов, полуночница.

– Нет, я хочу, чтобы вы оба... – палец Доминика попеременно указал на Морриган и Дэмьена, – сосредоточились на добыче голосов.

Морриган хмыкнула. Он и правда сказал «добыча»?

– Меня одного вполне достаточно, – самодовольства в голосе берсерка не чувствовалось, но говорил он вполне серьезно.

– Как и меня, – небрежно обронила она.

Дэмьен уставился на нее так, будто пытался понять, не ослышался ли.

– Ты в Пропasti без году неделя.

– И уже поняла, что к чему. Не вини себя, что тебе потребовалось больше времени.

Клио хихикнула в тарелку. Морриган, набираясь уверенности с каждой секундой, откинулась назад.

– Я уже начала заключать первые союзы, – союз, по правде говоря, был всего один, но об этом Дэмьену знать необязательно. – Смотри, как бы тебя не подвинули на посту устранителя проблем.

Опираясь на спинку стула обеими руками, Дэмьен со странным блеском в глазах подался к ней.

– Предлагаю пари. Кто заработает для Доминика больше голосов – тот и победил.

Морриган охотно приняла вызов. Осознавая, что все внимание берсерка сейчас приковано к ней, поднялась с идеально прямой спиной, протанцевала к нему походкой от бедра и протянула руку. Дэмьен сжал ее.

Следуя правилам, размыкать руки они не спешили. И снова долгий и проникновенный взгляд, глаза в глаза, – отражение того, что в прошлом предшествовал их поцелую.

– Разбить? – живо поинтересовалась Клио.

Морриган мысленно вздохнула.

– На что пари?

Она облизнулась, как кошка.

– На желание.

То, что хорошо ей знакомо.

– Хорошо, – медленно произнес Дэмьен.

Морриган догадывалась, что последует, и не ошиблась. Нахмурившись, берсерк тряхнул головой, словно пытаясь сбросить наваждение.

Хрипло сказал Клио:

– Разбивай.

Радуюсь, что вовлечена во что-то интересное, сестра рубанула узкой ладонью сцепленные руки.

– Вот так вы относитесь к своим обязанностям? – царственным тоном осведомилась Бадб. – Как к какой-то игре?

– Очень странно слышать подобный упрек от тебя, мама. В детстве я думала, что фразу «Вся наша жизнь – игра» придумала ты.

– Не стоит их сдерживать, – вкрадчиво сказал Доминик. – Азарт лишь подхлестнет обоих.

Морриган на мгновение даже стало не по себе при виде остекленевшего лица Леди Ворон.

– Лордов не убивать, на людях эксперименты не ставить, а теперь еще позволить им устраивать ребяческие соревнования? Что дальше?

Доминик с полуулыбкой коснулся ее плеча.

– В остальном – все, что пожелаешь.

Бадб, надув губки, отвернулась. Похоже, одной сладкой лестью, нашептанной в украшенные черненым серебром и черными сапфирами уши, лорд не обойдется. Неудивительно, если Леди Ворон спустится к ужину с дорогим ожерельем на тонкой лебединой шее.

Завтрак заканчивался, все понемногу расходились. Шагнув к сестре, Морриган мягко придержала ее за локоть.

– Будь осторожна, ладно? Гляди в оба. И не оставайся надолго в одиночестве. И в Пропасть лучше вообще пока не выходи.

– Морри, перестань, – рассмеялась Клио. – Я могу за себя постоять.

– Правда? И как? Нашлешь на врагов кошмары?

– Ты же знаешь, я не могу менять чужие сны.

– Жаль, – искренне посетовала Морриган, провожая взглядом Дэмьена, который направлялся к двери. – А то я бы заказала тебе добавить перчинки в жизнь одного твердолобого,

самовлюбленного, заносчивого упряма. Подумаешь, проснулся бы пару раз в холодном поту. Ему бы только пошло на пользу.

Мордашка Клио расстроено вытянулась.

– Вы что, поссорились?

– Кто? – получилось не слишком естественно.

– Вы с Дэмьеном.

– Нет никаких «мы», – отрезала Морриган. Буркнула себе под нос – больше для себя, чем для Клио: – Подумаешь, один поцелуй.

Забуть о котором почему-то не удавалось.

– Один что? – ахнула сестренка.

– Ты не знаешь? – подозрительно спросила Морриган.

Не так давно Клио говорила, что в сновидениях, в которые по неопытности вторгается случайно или которые являются ей сами, она может отличить воспоминания от обычных причуд подсознания. Те, что основаны на прошлом человека, – реалистичнее, логичнее, детальнее, нежели сны, порожденные чистейшим воображением. Раз так, их поцелуй с Дэмьеном не должен был стать для нее новостью.

– Я учусь не подпускать к себе чужие сны.

Морриган прищурилась, уловив в голосе младшей сестры странные нотки.

– Я так понимаю, для этого была веская причина?

Клио неестественно громко хохотнула. Притихнув, смущенно потерла нос.

– Я увидела твой сон с участием Дэмьена... и поняла, что надо немедленно выстраивать границы.

– Ой, да не переживай, – небрежно махнула рукой Морриган, мгновенно поняв, о каком сне шла речь. – Мне все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.